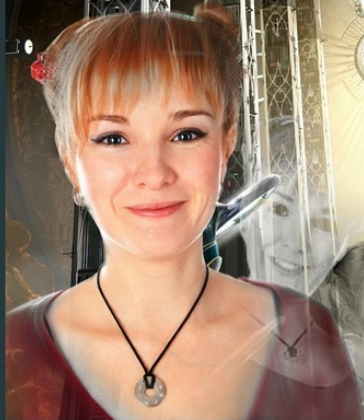

ХЗ характер землянина

Оксана Демченко

Оксана Демченко
ХЗ. характер землянина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273455
ISBN 9785447495992*

Аннотация

Это вторая история из серии БУ – «Будни Универсума»
Определившись с тем, каков же минимальный набор для выживания землянина в большой вселенной, иногда приходится понять и то, ради чего ты готов рисковать всем.

Содержание

История первая. Хорошо-то хорошо...	5
Фрагмент шифрованного дневника. Запись 47	43
История вторая. Многоликие	45
Фрагмент шифрованного дневника. Запись 49	68
История третья. Эпохальное ЧП	71
Фрагмент шифрованного дневника. Запись 52	98
История четвертая. Симпатия	100
Фрагмент шифрованного дневника. Запись 54	115
История пятая. Пусто, как в губе	119
Конец ознакомительного фрагмента.	150

ХЗ

характер землянина

Оксана Демченко

Записала
(прописка – Земля)

Рассказал
ученый морф Гав
(без прописки,
а зачем ему это?)

© Оксана Демченко, 2016

© Оксана Демченко, дизайн обложки, 2016

© marakratt, база Shutterstock, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая.

Хорошо-то хорошо...

Наивность нам дается, чтобы мы знали: изжога не так и страшна... при сравнении ощущений. Порядочность предлагается к наивности в наборах, составленных с особым цинизмом. Я на эту комплексную хрень не истратила бы и сбойного эрга, но, кажется, наборчик мне всучили втихую. Иначе как объяснить, что я неагрессивно машу раскрытой ладонью, провожаю спасенных и не желаю им ничего... звучного. Еще и улыбаюсь, как умалишенная! Неблагодарные негуманоиды наконец улетают, вот спасибочки. Верю в лучшее, держу приветливый оскал, только бы не передумали... Последний стебель прошелестел мимо. Все? Ой-ой, оно остановилось. Боюсь дышать... Оно обернулось, взмахнуло цветными лепестками, похожими на юбку.

– Эй, молодая красивая, ты дала нам пользу, я отплачу, тебе не солгу, – шуршит оно, покачиваясь без всякого ветра. По спине мороз, эта травка мало того, что говорящая, она забористая, гипнотичная в высокой мере. – Беги домой, беги. Неминухая беда подъедает у тебя корни, иссохнешь. Беги, есть еще время, а только мало его, мало... И месту этому тихим быть. Беги! Не останавливайся, родничок, иссякнешь.

Уф, оно схлопнуло тычинки, заткнуло ими речевой канал

и прошелестело в люк. Чпок! Овощной базар герметично за-консервировался.

Я чихнула, перекрестилась, дико сердясь на приступ суеверности. Усилие воли – и я воздержалась от плевка через левое плечо, ведь пришлось бы мое смачное мракобесие прямо в бок другу Павру. Вы верите дешевым гадалкам в переходах метро и прорицателям из бесплатных газет? Ну, дело ваше. Я верю людям, которым верю. Вот такой парадокс, он же эмпатия типа «эмо». Так что я – утомленная овощным нашествием эмпатка, и никакая древесная зараза меня не запугает... Хотя чую: она и не пыталась.

Все. Корабль, похожий на кочан капусты, отстыковался от габа. Кочерыжкой целит в разгонную зону. Ощущение холода на спине слабеет. Они уходят! Теперь я знаю это наверняка. Могу отослать отчет Тьюитю, нашему славному габмургу. Он ждет. Потому что в данном случае и с этой расой слово эмпата важнее показаний приборов и клятв капитана, якобы готового иссушить ветви во имя истины.

Увы, и мои слова – запоздалая припарка габу Уги, полухлому после всех погромов и загулов. Я эмпат! Должна была просечь на раз подлость незваных гостей, это ж было типичное – «Сами мы не местные, люди добрые»... Хотя звучало как: «Окислитель на исходе, на борту дети». Ага. Дети. У них то ли вообще нет полов, то ли более пяти, я не разобралась. Глобально если, то эти заразы и почкуются, и че-

ренкуются и, не побоюсь так сказать, осеменяются. Всеми перечисленными методами они взялись азартно множиться в Уги, надышавшись на халяву сверхчистой углекислотой. Как же, на халяву... По факту овощи гуляли в счет моего строгого выговора.

– Как они пели, вибрируя стволами, – вздохнул рядом Павр.

– Сколько они пили, баобабы флейтистые! – надулась я. – Пробовали стырить мой цветочек аленький, который Тай подарил. У-у, цыгане большого космоса, чтоб им чашелистики скрючило! Чтоб их, сочненьких, дезориентированный трипс встретил на узкой тропе. Ну Сима, блин... повелась и открыла дверку в габ, как последняя овца из истории про семерых козлят. Или коза? А, все вместе плюс глупость по вкусу. Господи, как они габ у меня не выцыганили с парой звездных систем в придачу!

– Обошлось, – отмахнулся добрейший сафаритянин, или как там его. – Приходи после работы, нацежу гринского сжиженного. Да не иссякнут кладези сафы!

Он удалился, топорща хохолок на затылке. Вот блин, он сейчас назвал меня алкашкой? Или меня так достали мигрирующие через габ кочевники космоса, что я чую подвох за каждым словом. Отмахнувшись от этой идеи вяло, как от осы, уже покусавшей до нечувствительности, я побрела домой. Я – Серафима Жук, без полдоли цикла, то есть почти год по-нашему, служащая габа. Уже не новичок, пообвык-

ла. Живу там же, куда вселилась в день прибытия с Земли, на седьмом уровне служебного крыла габа Уги. Повышена в звании до габла, откуда много раз разжалована и куда снова поднята без радости к указанному неблагозвучному статусу. Список порицаний и поощрений в моей местной трудовой длинноват для неполного года ведения учета. Но тут уж надо смириться, со мной все время что-то происходит. Я атипична даже для атипичника, а это не всем нравится...

Что еще стоит упомянуть в отношении габ-служащей Сими? Худшее: я числюсь последние тридцать дней кандидатом в габрехты. Это правда плохо, очень. Если сотрудник, досрочно повышенный до ут-габрехта, огребает три порицания, ему ликвидируют статус. У меня пока что два порицания, до полного облома осталось одно. Последнее. Словлю – и придется улетать на родную Землю. А я не хочу, хотя травянистая цыганка меня послала... далеко.

Я тут, в большом универсуме, прижилась. Согласна еще год и даже дольше – то есть цикл – называться габлом, лишь бы меня не пихали в корабль миграционной службы и не отсылали домой. Год габло, два габло, и не страшно, я бы потерпела. Но Чаппа решил меня продвинуть из-за истории с кай-цветком. И не только с ним. Дрюккели своей самой прогрессивной частью расы полагают, что я – перспективная и помогу им наладить отношения с кэф-кораблями. Мне мнение по указанному вопросу не выясняется и не учитывается.

Имперский сун тэй Игль, человек нечестный уже по своей разведдолжности, подло поддержал дрюккелей. Не из солидарности, конечно. Игль лично и весь их хищный имперский тэй-корпус в целом полагают, что за сильного эмпата надо цепляться руками и ногами, оказывая знаки внимания и продвигая по службе. Кто им сказал, что я сильный эмпат? Кто соврал, что я хочу продвинуться? Найти бы сволочь и вдумчиво так – по печени... Не могу найти. Нету сил. Надо позвонить Иглю и признаться в бессилии. Пусть задумается, зараза. Он сун тэй, интриган-профессионал. Авось, сочтет меня своей ошибкой и пострадает, хотя бы морально.

Беда в том, что еще и пыры меня продвинули. Ну, эти от души. В итоге что имеем? Кругом добрейшие предатели. Даже трипсы в сговоре, они дали рекомендацию и тем сократили срок стажировки до сорока дней, лишив меня права пересдачи.

Не слабо, сорок дней, прям как поминки... по свободе. Что еще плохо? Габрехты имеют право носить оружие и даже применять против разумных. Эти самые габрехты обязаны писать отчеты и знать законы. Следовательно, я обречена зубрить, затем переваривать и глубоко осмысливать. Вот сейчас лягу, закрою глаза и оно само полезет в голову. Как фарш из электромясорубки – не удержиимо, мелкими червячными колбасками... Знание неизбежно усвоится, возбуждая головную боль и портя сон.

«Расы, подпадающие в классификации под типы „рум“ и „був“ имеют право швартовки у причалов с первого по пятый, однако это относится лишь к последовательностям ранжирования правого габ-крыла, при обнаружении означенных кораблей у причалов левого крыла (относительно разгонной зоны, а вовсе не тормозной)...»

Я старательно потрясла головой. Зубреж перестал щеко-
тать череп изнутри, но звон в ушах не сгинул. Пришлось от-
крыть глаза и признать: кто-то домогается внимания недо-
ученной Симы.

– Да! – сказала я потолку.

Потолок мигнул и соорудил в воздухе изображение Си-
мо-мучителя. Вернее, мучительницы: Гюльчатай, моя пер-
вая гостья с момента попадания в универсум, улыбнулась
так, что я бессознательно села и стала совсем серьезной. Ука-
зала проекции скромное место на стене. Нефиг окислять по-
толок.

– Симочка, не волнуйся, – многообещающе начала Гюль,
всхлипнула и высморкалась.

Спасибо, ее сразу выдавили из кадра. А то потреблять
лимон без коньяка – не мой выбор, однозначно... Крупное
невозмутимое лицо Бмыга прямо-таки глаз радовало, вот
кто умеет не ныть.

– Сима, даю вводную, – без обиняков рявкнул муж Гюль-
чатай. – Саид в клинике на Багрифе. Координаты сбросил
вашему безопаснику, Рыгу. Он сейчас вызовет тебя и напра-

вит для прохождения социальной стажировки и пилотского теста. Это мы обговорили. Саид живой, даже не ранен. Только он... – Бмыг поморщился и резко отмахнулся от продолжения фразы. – А, сама увидишь. Давай, гони на полную гашетку.

Про гашетку – это я как-то брякнула, не иначе. Или Саид? От мысли, что парню совсем плохо, я стала торопливо зеленеть и мелко, потно мандражить. Саиду год, ну то есть – цикл от роду. Он клон, у него ускоренная развертка личности, ему никак нельзя болеть. А помирать ему вообще запрещено лично мною! Я обязана ему жизнью раза три... Я за него в ответе, потому что я так решила и вообще, кто хоть раз Саидку видел, обречен обожать его, наивного рыцаря, последнего на весь космос.

Я думала глупости, моргала и быстро грузила в поясной кармашек вещи. У меня теперь есть имущество, не то, что год назад. Накопитель с данными, кошелечек с прессованным окислителем, оружие травматическое малополезное... Что еще сунуть? Места как раз на носовой платок или бикини. Тогда бикини. В эту невесомую дрянь можно сморкаться, а вот на пляж пойти в платке – нельзя. Хотя я лечу в клинику, там проблемы. Все равно бикини, рыдать не буду. Упрусь и не буду, что бы там бы...

– Черт! – громко сказала я.

Никто не отозвался. Впрочем, разве это ненормально? Просто я вдруг возжелала получить порцию сочувствия,

пусть даже ценой фрагмента своей никому не нужной души.

– Ут-габрехт Жук, – рывкнуло в ухо голосом габрала Рыга. – Немедленно явиться к служебному катеру.

– Ить, – икнула я, вжала голову в плечи и помчалась.

– Наречие расы крушей вам не освоить-ить, – влез в голову шеф, габмург Тьюить. – Не та артикуляция! Не чую-ить грани от насмешки до отчаяния, а это какой-ить диапазон эмоций... Нет, наша речь не под ваши данные связок-ить.

Мой шеф – сокровище. Вижу в актуальной базе: уже подмахнул документы, выдал предписание на полет и сам посчитал маршрут. Потому что я икаю, потею и точно ошибусь. Ну, что могло произойти с Саидом? Мы трепались дней десять назад, он был, вроде, бодрый. Рассказывал об отпуске, как лазал по скалам, швартовал к основному Бмыгову астероиду второй, на вырост: семья не желает жить тесно. Вернее, Бмыг из шкуры вон лезет и ублажает Гюль еще до того, как она успеет возмечтать о чем-то. Любовь... до чего эта гадость доводит крепких ребят – пыров. Смотреть больно. И малость завидно. Черт, да что могло приключиться с Саидом за десять дней?

Я едва не споткнулась, запретила себе думать о плохом и помчалась еще резвее. Бегать меня переучивал сам Рыг. А учили в школе и во дворе, то есть скорее портили. Оказалось, дышу не так и вообще «не так» – главное понятие в физическом развитии Симы (про умственное Рыг тоже не смолчал). Но в последнюю долю цикла он реже рычит на меня.

Или это прогресс, или я оглохла. Неуклюжее тело болит целиком, я сама ору и рычу во сне. Рыг чудовище. Он не учит, он добивает. Правда, чтобы габрал взялся добивать, надо ему приглянуться: этот минотавр обожает вышвыривать неудачников из своего габа.

– На месте! – заверещала я, рыбкой ныряя в канал, ведущий к личному причалу.

Там пришлось жестко падать и перекатываться, чтобы не особенно удачно забодать лбом шлюз. Ничего, секунд пять на учет звездочек – и я на месте телом и сознанием. Разгибаюсь, ага.

– Посредственно, – сообщил Рыг свое мнение. – Надо бы повторить, но не сегодня. Назначаю в наказание за нерасторопность три тренировки в день на планете прибытия, и я проверю. Ты уже в курсе, стартовый отсчет тикает. – Минотавр Рыг, а вернее представитель расы мурвров, зверски оскалился и почесал когтистой пятерней промеж шишек на черепе, так похожих на рога. – Сима, запомни одно, пока идет сверка курса посегментно. Телепаты с потенциалом развития до подлинного уровня доу редко проживают более пяти циклов до того, как... – он важно поднял палец и уставился на свой ноготь, а вернее коготь. – Н-да... Но ты эмпат и один раз уже справилась.

Шлюз открылся, Рыг втиснул меня в катер. Лично пристегнул к креслу, лично проверил программу полета, бешеную: прыжки без пауз, с допускорением от стационарных пе-

реходных зон. На место прибуду студнем из головной боли с добавлением тошноты по вкусу. Зато быстро.

– А что вообще...

– Даю добро на старт, – раздумчиво сообщил Рыг и удалился.

Катер чпокнул шлюзом, метнулся в разгонный канал. «Стрелу» определенно направляли извне и может, сам Тьюить приложил руку. Мне поплохело: люди не особенно ловко переносят разгоны. И сейчас давят не только тонны веса, но и мегатонны подозрений и страхов. Щас взорвусь изнутри нафиг совсем! Ой, ну что с Саидкой-то?

Бам... Прыгнули раз. «Стрела» – это катер средней и малой дальности прыжка, технология старых рас, вроде бы великие кэфы приложили свой талант, дорабатывая игрушку для нас – младших во взрослом универсуме. «Стрела» хороша с точки зрения скорости доставки... тела. Но самочувствие тела и комфорт вне рассмотрения. На борту одна каюта, она же рубка, она же все остальное, что только можно вообразить и перечислить. Тесно. Скучно. Нервно. В «Стрелах» есть встроенные проводители, они вроде нудных умников, которые числят всяких там Сим не выше юнги. Но у меня нет проводителя. Наверное, сбежал заранее, предвидя список выговоров гражданки Жук.

Ба-бам... вышли из прыжка. Время сместилось на две доли суток, которые из моей жизни – как корова языком.

Невозвратно и одновременно. Прыжок, что тут скажешь? Все лучше, чем земные самолеты, особенно в «экономе». Увы: голова тяжелее чугунного котла, а впереди дыркой от бублика чернеет новый разгонный канал, вокруг него – самом бубликом – обернут то ли габ-порт, то ли габ-пирс. Последний, как гласит справочник, представляет собой компактный автомат и лишен пересадочного пассажирского узла. Боги, зачем я это помню? На кой теперь-то, все равно не могу рассмотреть различия. У людей мозги варят медленно. Я пока распознаю и анализирую то, что отпечаталось на сетчатке и ушло в мозг. А тем временем уже...

Бам! Ненавижу корабли типа «Стрела». Сами прыгают при наличии грамотно прописанного маршрута. Вот сдохну я на борту, а всем будет пофиг, в том числе кораблю. Бездушная консервная банка! Могу вслух прокричать... то есть не могу. Опять на меня давит. Бли-ин, что там с Саидом, если Симу спешно перекачивают через габ-систему? То есть спасибо всем, я бы без спешки рехнулась от мыслей.

Ба-бам... Резковато влупило по ушам. Вышли из прыжка, похоже – предел по дальности. Плюс три доли суток. Спорю на пакет из кармана кресла земного самолета: Саиду не хуже, чем мне. Черно кругом. Проклятущее несовершенное зрение отрубилось. Ладно, прекращаю делать вид, что люди – венец творения. Смиренно думаю команду: «Стазис!». Подтверждаю согласие на отключение мозга. Ага, мелькнула на дне глаз выгрузка прогноза: параметры полета, усло-

вия погружения и пробуждения. Сутки чистого бессознания, прочее в данных сейчас не важно. Сгодится.

И – тишина. Сима Жук в стазисе – каменюка бессознательная в обертке бархатно нежного кресла. Ни мыслей, ни тревог, ни боли. Некоторые премудрые граждане Земли назвали бы состояние продвинутой медитацией. Но это всего лишь стазис, созданный без моего в том участия. Покой. Полный покой.

– Проверка на дезориентацию, – загрохотало повсеместно. – Число ваших рук?

– Нафиг!

– Речевая функция восстановлена. Число ваших рук?

– Семь и все очумелые!

– Факт дезориентации установлен, начата коррекция первого уровня. Глубокое вмешательство по согласованию с габ-службой, отсчет...

– Две, жестянка тупая. Две руки, Сима шутит.

– Стоп по коррекции. Учтен фактор атипичности.

– Спасибо, – сказала я кораблю, хотя он простоват, благодарность не сечет.

– Без проблем, детка, – проревели в ответ. Пришлось спешно проморгаться и сфокусировать непослушные глаза на объемном собеседнике. Мурвр, однако. Страшнее Рыга на вид: оказывается, такое возможно. Улыбается яростно, аж заранее больно глядеть. – Посадка по финалу обратного от-

счета. Двадцать тактов в запасе, взбодрись.

Я постаралась исполнить указание, даже сквозь дичайшую тошноту. Провела самодиагностику и разрешила костюму вкатить мне рекомендованные стимуляторы. Слух окреп, зрение наконец сделалось цветным. Соплеменник Рыга как раз успел басовитой скороговоркой сообщить, что у люка меня ждет габарит и он отвезет к Саиду. Прямо добавил, я почти опоздала... Да что тут творится?

Люк я едва не проломила. Габарита, будь у него шея, я бы задушила. Но жертв не приключилось, у землян слабые руки. Дрожащие малость. Я это поняла, когда добралась до места и рефлекторно поправила ворот, нетвердо стоя на твердом полу и пробуя перевести дух. Меня идентифицировали, дезинфицировали, приревновали и вдрызг испрезирали – ну, это авансом, наверное. Если бы близ палаты Саида не ошивалась хоть одна медичка с параметрами королевы красоты, я бы пошла искать другую дверь.

– Посещение разрешено, – нехотя подтвердила губастая кукла.

Я рванула дверь и вломилась, чуть не рухнув на пороге.

Саид в кресле, неподвижный и белый, как мраморная статуя. На меня ноль внимания. Выглядит в целом здоровым... На голове капюшон шевелится – это наш с ним морф. Мордочку соорудил плоскую, вроде узора на капюшоне – и кисло, совсем как Гюль, улыбается мне...

– Саид, – шепотом позвала я.

Это глупо. Он телепат. Уровень доу, пусть пока что с до-
полнением «в потенциале». Все равно Саидка и труп протеле-
пает, я серьёзно, берет сознание на удалении до семь дней
от жизни, такова официальная формулировка. Могу доба-
вить, в нынешнем этапе взросления дара Саид не глохнет
к чужим сознаниям даже с морфом на голове, а ведь морф
изолирует лучше любого иного метода, иначе зачем бы я от-
пустила с Саидом своего драгоценного Гава? Так вот, даже
с морфом-капюшоном Саидка должен «брать» мое присут-
ствие от момента посадки «Стрелы», я же переживаю и внут-
ри сейчас – кипучее вулкана. С точки зрения телепата. Вот...

– Саид! – зову громче.

И опять не услышана...

Гав виновато сполз с головы друга, собрался в комок
у него на коленях и оттуда восстал привычным мне котом.
Серым. Когда он грустный, всегда – серый. Я осторожно,
на цыпочках, прошла по комнате, села на пол возле Саида,
погладила Гава. За спиной вздохнула и погнала сквознячок
открывшаяся дверь.

– Сутки в этом состоянии, – проблеял голос. На меня пах-
нуло неразбавленной медициной. Как ни совершенствуй ме-
тоды, любая больница имеет особенный запах, въедающийся
в ее людей и вещи. – Вас предупредили? Ввели в курс?

– Не успели.

– Доу, если не обладают надежной системой внутрен-

ней стабилизации, рано или поздно выключаются из бытия. Особенно часто сбой происходит после наблюдения смерти. Поэтому большинство телепатов высоких уровней обитает в условиях частично слитных сознаний. Так, по нашим сведениям, при воспитании тэя до уровня сун, он три цикла и более остается в постоянной группе. И после раз в цикл общается с наставником для контроля и коррекции настроения. Даже это...

Вы видели помесь козла с гадюкой? Я бы такое и не придумала, а оно, оказывается, числится тут ведущим профессором-распрофессором. Оно то шипит, то блеет. Может, из-за нелепого звука я не верю в плохие новости.

– Стоп, у Саидки есть сестра, у него друзей море, – отмахнулась я. – И кто додумался вынуждать его наблюдать смерть?

– Несчастный случай, – чешуйчатый эксперт снова заблеял. Так он, похоже, выражает долготерпение к недоумкам. – Корабль потерпел крушение в опасной зоне, там запрещено присутствие и они нарушили правила. Телепат сам вызвался искать спасательные капсулы. Без его способностей не нашли бы никого в приемлемый срок. А так из тридцати пассажиров живы двадцать четыре, и пятеро пока остаются в контролируемой коме. Шесть одушевленных ушли. Он наблюдал, он был один. Клон его последовательности, – вероятно, называемый вами сестрой, – прибыл по первому запросу, но реакция не получена. Именно клон с полным именем

Гюльчатай потребовала срочно доставить вас. Не вижу смысла, но сопровождающий клона пыр чудовищно груб, асоциален. Единственный рациональный путь лечения – срочное вмешательство с удалением части памяти и даже фрагментов мозга. С высокой вероятностью мы восстановим речевую функцию.

– Овощеводы хреновы, – обозлилась я.

– Не думаю, что от вас будет польза. Но даю две доли суток, дольше решение нельзя откладывать.

Дверь хлопнула. Что этот тип, обиделся на овощевода? Зря. Я и не начинала обижать, просто растерялась. И зло до ужаса – на себя. Это я услала Саида невесть куда. Это я виновата... Потому что он выглядит взрослым, а в душе пацан. Мне казалось, самостоятельность будет ему в пользу. Еще я думала, что Саид, при живучести в полсотни единиц, не по зубам большому универсуму.

– Саид, – еще разок позвала я. – Поговори с Симой.

Морф плотно прильнул к моей ноге и завыл так тихо и страшно, что на спине волоски встали дыбом. Серый Гав стонал, смотрел куда-то вдаль, и я не смела глянуть туда же. Он хоть и морф, но в нем есть что-то настоящее земное, кошачье. Наверняка Гав видит потустороннее. Что это – не ведаю, но мне чудится: пришли за Саидкой. Сейчас цапнут за руку и потянут... в вечность.

– Гав! – позвала я, чтобы оборвать его вой и свою панику. – Так, спокойно. Саидку мы не уступим. Две доли цикла

дано на глупости. С чего начнем? С единственной внятной глупости, которую учудил в свое время он сам с участием Симы. Так, Гав, ты будешь изображать нейтрализатор. Ну, ту гадчайшую пасту, какой в габе забивают все объемы, смежные с глоп-факторным каналом при объявлении глоп-тревоги. Начали.

Для наглядности я посвистела, имитируя сигнал тревоги. Гав мигнул всеми пятью глазами – он так и ходит до сих пор с мордой, придуманной мною при первой нашей встрече.

– Ну!

Гав прыгнул мне на плечо и стал растекаться во вспененную массу. Было жутковато сунуть лицо в это: не смогу дышать! Что и требуются, впрочем. Я эгоистка, раз убеждена: рыцарь Саидка неизбежно бросится спасать, если я всерьез запомираю. Для начала помирания я присела боком на колени к Саиду, удобнее повернула голову, вспоминая, как именно в тот раз он спасал меня, делая искусственное дыхание. Приладилась. Морф вспенился сильнее и укутал обе наши головы. Стало тихо, темно и душно. Человек может жить без воздуха минуты три. После вторичной развёртки и тренировок с Рыгом – до десяти. Но страх и удушье приходят куда быстрее. Сима не герой, увы. Боюсь я тесного и мрачного.

Прошлый раз Саид дышал для меня. В этот раз легкие бесполезно дергались – а отклика с его стороны не было. Я постепенно пугалась все основательнее, проваливалась в нешуточный обморок. Но Гав упрямо держал форму ней-

трализатора, как и было с ним условлено. Я даже начала подозревать: он зол на меня, ведь бросила на год, его мнения не спросила – предала, так? Если так, может, он решил малость отомстить? Ох, мамочки, выпустите Симу на волю! Хоть глоток воздуха. Каплю... Мир кружится, кружится, черный вихрь уносит в недра обморока. Вьюном, вьюном – затягивает в сплошной мрак.

Когда я из последних сил воевала с морфом, пытаюсь его отодрать и хоть так выжить, плечи Саида дрогнули – и он отдал мне один короткий выдох. То ли крик, то ли шепот, не знаю. Но подействовало, как удар кулака в челюсть.

Мозг взбодрился, головокружение замедлилось. Мрак вспыхнул сиянием – и лопнул, меня выбросило вовне, на тот свет, наверное.

Пальцы Саида я узнала сразу, только они сейчас были вроде как мои, они стремительно и ловко перебирали, процеживали информацию. Люди моего уровня реакций не могут адекватно читать мощнейшие потоки данных, мы запаздываем. Но теперь я запросто умудрялась и успевать, и следить за происходящим со стороны.

– Принял вводную, – негромко сказал Саид. Улыбнулся. – Далековато, но я упертый.

«Упертый» – мое слово, Саидка любит навешивать на все мои слова. Ну, как земные водители навешивают на зеркало дурацкие игрушки, иконки и прочую дребедень. Болтается,

отвлекает – зато делает машину своей, вроде как метит её.

– Жди, собираем опорный куб сознаний, – увещевали Саида. – Ты ведь знаешь, чем это может закончиться.

– Отвяньте, – хмыкнул Саид, приподняв левую бровь и глядя на свое отражение в бликующей стенке рубки.

Он знал. И еще понимал: времени нет. По воле телепата его сознание, как сахар, брошенный в здоровенную чашку черного универсум-кофе – растворялось. Ширилось, проникало все дальше.

Растворяться больно и страшно. Саид скрипел зубами, прикусывал губу и, не отдавая себе отчета, покачивал головой по часовой стрелке, вроде как размешивая сахар сознания в черной массе кофе-универсума... Гав жалобно урчал на затылке. Грел, массировал кожу. Делился приязнью: пробовал сработать один за весь несозданный опорный куб и привязать сознание телепата к его же телу, к его сущности.

Универсум холодный, гораздо холоднее льда. Его тьма острая, каждая мельчайшая частица – игла, готовая впиться и отравить. Но сознание упрямо расширяется, сквозь яд и боль, чтобы проникнуть как можно дальше и уловить аромат жизни – тончайший, но стойкий.

Где-то в безмерности, недоступные умным приборам и алгоритмам поиска, затерялись капсулы. Каждая пока что переливается и трепещет сокрытой в ней жизнью, сейчас подобной для Саида и меня ароматической свече. Огоньки вздрагивают, блекнут... Они так малы, что даже полное на-

пряжение сил не помогает их ощутить. Люди гибнут в стагнзе, и таких их искать еще сложнее.

Но Саид – он правда доу. Вдобавок ужасно упертый. Он растворяет себя без остатка и жалости, норовит дотянуться дальше, дальше... пока не цепляет краешком сознания первый робкий ответ чужой жизни. Пальцы – он еще хранит связь с телом и ощущает их – вычерчивают узор команды, отсылают сведения тем, кто на связи и ждет хотя бы намек. Портатор наверняка сразу выбрасывает в обозначенную точку команду габаритов-спасателей. Огонек делается ярче – капсулу вернули в годную для жизни среду.

– Благодарим, к вам высланы врачи, держитесь, – шелестит голос.

Связь обрывается! Некто очень умный решил: срочно вытаскивать телепата не надо. Он ведь в сознании и значит, не перешел черту невозвратности. Саид скрипит зубами, всхлипывает, ему совсем плохо и он знает, что сейчас никто не видит и не слышит. А если и слышит, уже не важно. «Симка бы поняла», – одними губами, для морфа, жалуется Саид.

Я киваю. Еще бы, мне все ясно... Умные люди и нелюди не удосужились ускорить сбор «куба сознаний» или держать Саида на постоянном речевом канале, хоть так помогая ему не свихнуться. Хуже: кто-то переключил внимание с телепата и спасаемых на более мелочное. Делают обзор сектора, формируют первичные отчеты – рутина, не более того. Существа с квадратно-гнездовой логикой проинструктиро-

ванных умников решили для себя: первый спасательный модуль найден, прочие рядом, это очевидно исходя из их метода мышления. Значит, продолжают они гнуть свою линию, телепат прекратил поиск и сбережет себя.

Но Саид, а с ним и я, видим иное. Капсула найдена в дрейфе посреди сплошного потока помех. Какого рода? Не могу оценить. Но помехи существенные, габариты и иная автоматика не справится с поиском. Саид уже не владеет собой настолько, чтобы вслух дать пояснения. Он лишь морщится, жадно хватая ртом воздух и упрямо качает головой, рассеивая себя вовне – и более не надеясь собрать. Вот дотянулся до второго сознания, успел ощутить его. Детское, горячее, золотое – как рождественский шарик, наполненный солнцем. Но сознание лопнуло, сразу остыло. Изранило Саида, взрезало его душу глубоко, страшно.

Надо терпеть. Жизнь вытекает по капле в ледяной универсум. Но там еще много капсул и обозначить их расположение – некому. Морф сполз на руки и помогает отсылать координаты. Надо терпеть и искать. Одну за одной, несмело радуясь удачам и сжигая себя заживо, когда насквозь прошивает чужая смерть. Трепетные свечи слабеют... Воронка тьмы скручивается туже, затягивает. Людям не надо туда смотреть. Это та же черная дыра – возврата нет. Надежды нет. Воздуха нет. Ни капли.

– Сима!

– Отвянь, – проныла я.

– Сима!

– Желаю помереть без музыка, в скромно задрапированной тишине, – проникновенным шепотом сообщила я.

И открыла глаза. Нифига не холодно, ни разу не темно. Саид всегда был слишком впечатлительным, душа у него большая, открытая, а это вредно. Все норовят её использовать, как дрова. Или как халявный отопительный котел. Только хрен два Сима им разрешит.

Все, я очухалась. Голова не кружится. Дышать можно вволю. Открываю глаза – и наблюдаю Гюльчатай. Умеренно приторную, значит, все живы и можно капризничать до упора. То есть пока Бмыг не покажет украдкой ювелирский кулак... Не понимаю, как при таких ручищах можно заниматься чем-либо изящным.

– Гавчик, я тебя люблю, прости за глупости, ты же не душил, ты же помогал. Гав, ты меня простил? Ты добрый. Так... Где Саидка? – я передумала капризничать.

– *Тут*, – прошелестело под сводом черепа.

Улыбается. Ему паршиво, а он, зараза, на чистом упрямстве изображает оптимизм. Бережет нервы Симы. Рыцарь... Интересно, какая погода на этой курортной планете? Вся звездная система больничного типа. Местная раса – чешуйчатые козлогaды высочайшей степени организованности, неужели не подкрутили что надо и не подвинтили где следует до умеренных тропиков? Хочу сосны с пальмами,

море парного молока, нежный песок и одно пикантное облачко на горизонте, по типу коктейльной вишенки.

Гав, на глазах теряя серость и накапливая рыжину, вспрыгнул на грудь, затоптался, быстро указывая хвостом направления, где исполняются хозяйские мечты: море, зелень, облако... Обожаю морфов. Ненавижу бюрократию. Уже полцикла морфам официально принадлежит почти вся – кроме звездного скопления исторической прародины расы – галактика расы йорф. За это время дрюккели, первыми заявившие о поддержке признания разумности и одушевленности морфов, не смогли согласовать текст этого самого декларативного признания. Империя вообще воздержалась, как верблюд на неудобном водопое. Габ-система задолбала нейтральностью, ну ничего не решают и никого к решению не толкают. Одна Сима орет и пишет письма. Ну, еще кэф-корабли молодцы. Их регулярно наблюдают в системах галактики йорф. Запрос маршрута они отсылают только коллегии морфов. С копией в габ-систему. Для ознакомления и создания изжоги. То есть прецедента.

– Саидка, ты ходячий труп или лежащий? – уточнила я вслух.

– *Хромоходящий.*

– А плаваешь как лом или как Буратино?

Судя по тишине под черепом, телепат задумался и ушел в себя. Гос-споди, прими благодарность от Симы за то, что она, то есть я, не телепат! Это же кромешный ужас: все про

всех знать. Еще того гаже: знать, что каждый о тебе думает и чего от тебя ждет.

По большей части телепаты ломаются и уходят в изоляцию с последующим отказом от таланта, который именуют проклятием. По меньшей делаютя циничными ублюдками, такими опасными, что их принудительно изолируют и лишают дара. Редкие исключения либо бездари, либо служат в очень секретных структурах. И все воспитываются с младенчества, чтобы принять себя и не свихнуться... Только Саид живет, как человек. Не знаю, как он умудряется игнорировать мнения, пожелания и прочую бессознательную пену. У телепатов нет друзей. Но это тоже не про Саида.

– *Симочка, не надо меня в рамку*, – взмолился несчастный. Опомнился и добавил вслух по существу: – Как топор плаваю.

Отловил в моей голове, что топор состоит из деревяшки и железяки, решил пошутить. Ха. Не смешно, на логике вообще не слепить хорошей шутки. Топоры в фольклоре гордо плывут только от села Кукуево... все остальные ржавеют на дне. Прочел, застонал. Жалобно так, я враз перестала ерничать. Мирно села, благостно улыбнулась морфу. Гав рад видеть меня. И, если честно, за год именно о нем я чаще всего думала. Мне не хватало морфа. Спине без него холодно, а душе... сухо.

Занятая мыслями, я вяло переводила взгляд туда-сюда, обзирая помещение. Вот Бмыг, большой и вдобавок на-

дутый от гордости. Еще бы, у него самая красивая жена на весь пырский сектор пространства. Заодно она единственный общепризнанный искусствовед расы, к которой принадлежит формально, зато охотно... Минувший год Гюль провела в трудах. Вся в них закопалась, умудрившись в итоге отрыть для большого универсума и презентовать с должной помпой официальный каталог по истории и трендам эмо-искусства. Прежде ни у кого не получалось каталогизировать работы пыров. Потому что творцы, даже самые чахлые, имеют живучесть свыше тридцати пяти по осредненной шкале. Боевая подготовка у пыров обязательная, как у нас дома – среднее образование. Только преподают куда усерднее. Ну а нервы... Творцы все несколько взрывоопасны, если их критиковать. Так что пыров обычно стараются не замечать издали, вы ведь тоже не ляжете добровольно на пути бульдозера... если вы разумны и не стремитесь ощутить во полноте муки совести – ну, материализованные, в виде тяжких телесных, ага.

Взгляд уткнулся в Гюль.

– А-ах, – пискнула я.

Драгоценная жена Бмыга лучилась несуетливой гордостью состоявшегося семейного счастья. Но это ожидаемо. Она сидела в кресле, а рядом плавало на уровне плеча нечто... шарообразное, темное и связанное с Гюль. Оно – я икнула и насторожилась – *смотрело*. Осознанно. По спине пробежал холодок. Я привыкла к странностям универсума,

где надо иметь очень широкие взгляды, чтобы допустить все, что тут есть и что земная наука сочла бы ересью, достойной костра современной инквизиции. Но иногда проявлять широту взглядов сложно. Как теперь. Шар неживой, по виду – прямо железный, что ли... А внутри он живет.

– Говорят, будет мальчик, – зарозовела Гюль, смаргивая слезинку смущения. – Я летала в сектор ИА. Кит посмотрел и сказал: удачно.

Вообще-то она все уши мне прожужжала планами расширения семьи. И говорила долю цикла назад про внематочную беременность. Ну, я вежливо промолчала, сочувствуя от всей души. Она заложила меж бровей морщинку удивления и прервала разговор. Оказывается, мы друг друга ну совсем не поняли... Это надо было поздравлять?

– Вырастет из шара пыр, – сообщила я себе самой, сборов икоту. – Если мать его упыр... тфу ты, упрется... хотя ты, Гюль, прежде упираться не умела. Молодец.

– Симка, она рыдала две ночи, – хриплым шепотом сдал сестру Саид. – Сказала: ты не рада. Ты – важный ей человек. А уточнить прочтенную с мозга реакцию не фэн-шуй. Я хотел сам звякнуть тебе, но мне запретили, настрого. Гулька жаждала страдать одиноко. У меня с Бмыгом в спарринге счет два-пять в его пользу, я решил не усугублять.

Сказанное исчерпало силы Саида, он снова стал бел, как гипс. Прикрыл глаза, часто дыша и старясь не быть жалким. Только чего уж, и так ясно: накрылись мои глупые идеи

пляжного отдыха. Саиду надо лечиться. А мне – исполнять предписанные Рыгом тренировки. И учить законы габ-службы, причем с развернутыми комментариями.

«К расам особо высоких классов опасности неприменимы базовые законы. Однако в современном универсуме не распространены псевдоразумные подтипов „юсс“ и „рууф“. Неверная классификация с завышением опасности полностью находится в ответственности служащих с показателем атипичности от пятнадцати и выше, и ведет к их разжалованию».

Это про меня. У меня жутко высокая атипичность. Но пока что я никого не классифицировала, как полных уродов-приспособленцев юсс или неуничтожимое почти ничем чудище рууф, жаждущее заполонить и поработить универсум. Я не верю в страшные сказки, где злодеи беспричинно злы. Но буду зубрить правила.

Саид отдышался и подмигнул мне. Бодрится. Мысленно просит не уходить и не бросать его, ослабленного, на растерзание местных красоток. Ха. Сима в роли мымры, красотки в роли злобной расы юсс, мечтающей влезть в мозг очаровательного телепата и этот мозг отключить... чтобы неограниченно пользоваться всем остальным Саидом.

– Тебе дали пять дней отсрочки в стажировке на габрехта, – сообщил Бмыг. – Перелет сожрал полтора, столько же

уйдет на возвращение. Двое суток проведешь на Багрифе. Силовые тренировки по просьбе Рыга я беру под контроль. Через две доли суток жду на пляже. Тебя проводят. И знаешь... там мягкий песочек, да.

Прорычал и удалился, бережно обнимая за талию жену и поглаживая летящий между будущими родителями шар с будущим сыном. Телепатом, как и Гюль, я уверена. И, надеюсь, таким же упертым пыром, как папаша Бмыг. О, мои синяки неполученные, я уже ощущаю вас... И пусть. Будь, что будет.

Я села в кресло и стала молча зубрить, вздыхая и почесывая голову: от внедрения знаний мозг зудит. Саид притих, впал в полудрему, но я точно знаю, он просматривает инструкции и деликатно не мешает. Не виноват ведь он, что видит меня насквозь. Это надо принять один раз и больше не париться с глупостями типа: «Ах, я голая. Ах, он все прочтет, даже то, что я сама о себе не знаю». Зато склероз не страшен, если рядом Саидка.

«На этапе стажировки сотрудника применение им средств, не предусмотренных рангом и статусом, возможно при осознанном произнесении вслух и под запись намерения превысить полномочий и быть готовым понести ответственность. Примечание: в практике габ-службы крайне редки подобные инциденты. Стоит помнить, что, как показывает расследование, лишь в одном случае из ста же-

ление использовать сильные средства не является паникой или ошибкой идентификации ситуации со стороны сотрудника.»

Вот бред. Зачем хватать оружие и орать: «я хочу быть уволенной»? Я вообще не желаю носить оружие и тем более не готова калечить разумных, псевдоразумных и совсем безумных. Сима очень мирная. Сима хочет понижения статуса и ныряния в теплое море без зубрежки и айсберга на горизонте – ну, неотвратимо грядущего экзамена, мрачно сопящего Бмыга, прорицания лиственной цыганки...

– Я могу спросить?

Пришлось кивнуть. Почему-то мне кажется, я знаю вопрос. Саид промолчал. Я обернулась, поймала его взгляд и разобрала кивок. Не виноват ведь он, что читает. И что я ему все еще нравлюсь, хотя прошел год и мог бы уже повзрослеть, я не героиня его романа. Вот чую, что именно так и есть. Я все еще помню взгляд Тая и узнаю его каждый раз, независимо от внешности и расы, напаяленных на нелюдя. Я вдавливаю себе в мозг снова и снова, что он именно нелюдь и даже габариус Чаппа ближе мне по генетике и прочему, чем этот... никто не знает, кто. Но я узнаю его и мозг мой отключается. Остается лишь горечь. Каждый раз – горечь. Не знаю, почему.

– Тай... – Саид нехотя выговорил имя многоликого нелюдя, с которым я знакома с первого дня в универсуме. – Это

для тебя серьёзно?

Смешнее всего то, что ответ вслух не требуется. И вовсе уж надорвать живот можно: я настоящего полного ответа, считанного с меня же, не узнаю! Саид вмиг все просек, кивнул – мол, прости, сам знаю, что не стоило спрашивать, молчу и впредь буду паинька.

– А мне сказать, о чем я думаю и не думаю? – оживилась я, надеясь на глубокий анализ той горечь, которую сама не способна разложить на составляющие.

– Разве твое поведение зависит от того, что я скажу? И разве стоит тонкие темы исказить словесными ответами, ужасающе примитивными, – поморщился Саид. Грустно вздохнул. – Сима, я бы не полез в это... личное. Но мне чудится в темной области памяти угроза. Большая. Никому и никогда не позволяй читать глубоко о нем. О вас. То, что есть в твоей памяти, содержит... скрытый код. Для тебя он может быть убийственным. Буквально. Уточнять не стану, так лучше. Кажется.

– Все что угодно можно считать, если упереться, – отмахнулась я. – А что там за западня?

– Детали значимого ювелирно огорожены... им. Без твоего согласия не прочтется никем, – уточнил Саид. – Даже телепатом с потенциалом развития до полноценного доу, который в нынешнем универсуме вроде бы у людей один... в уме. И он в этой комнате. И будет молчать о своих догадках.

Я открыла рот, чтобы пробубнить возражения – и смол-

чала. В душе нечто шевельнулось, обозначая: Сима, увянь, сверни тему. Так надо, Саид прав.

– Сима, помоги с настройкой кресла, – попросил Саид. Посмотрел на меня заискивающе. – Сима, один я тут не останусь. Жизнь жестока, влюбленность – штука многоугольная и колючая.

– Депилируют под кеглю, раздерут на лоскуты, – заржала я. Веселость нахлынула и сбежала, как шальная волна с нагретого камня. Не знаю, что во мне сработало, но я вдруг повернулась к двери и громко, нарочито внятно сказала: – А ты будешь меня любить, если коленки сделаю назад, как тебе нравится?

– Уймись, – шепотом взмолился Саид и покраснел.

Бедняга неприлично, противоестественно красив. А красота, как я думаю, штука волшебная и сугубо атипичная. Можно быть лохматым вырождением с клыками или бурой макарониной без мышц. Отвратительно? Сто тыщ раз да, а сто тыщ первый – нет! Почему приключается сбой всеобщей оценки с «дрянь» на «божественно», ответа не даст ни телепат, ни ученый, ни интриган тэй... Но магия вершится для кого-то одного, и магия перенастраивая слух, зрение, логику существ, окружающих избранного. И вот уже зеленеющую жабину на полтонны целуют, не мечтая превратить в принца. Скорее желают сами сделаться – гармоничным жабым подобием.

Саидка не жаба. Ему еще хуже, он симпатяга, сверх то-

го наделенный выдуманной мною магией красоты. Словно перечисленного мало, за год он – клон ускоренного вращения – развернулся из щупловатого пацана в полноценного мужчину. Он плечист, мускулист и от него прямо искрит таинственностью... Телепат, великолепный пилот, представитель загадочной расы улучшенных людей – он сам не знает толком, кто они с Гюль? Клонирование с вмешательством в геном повторялось много раз, корни этого безобразия покрыты плотным дерном забвения и лжи. Зато плоды чертовски аппетитны и на виду. Едва я покину палату, Саида окутает липкое облако вожделения.

Пришлось от имени габ-службы убедить койко-место мигрировать туда, куда укажет ут-габрехт Сима. А указала я на дверь.

У палаты отирались три маньячки с сильно выдающимися из-под халатиков... данными. Меня сразу засекли, мои намерения прочуяли и возненавидели воровку Симу – солидарно. А пофиг. Я чихнула, улыбнулась Саиду и дернула вниз застежку-невидимку на воротах. Девушки заклокотали горлом, как мартовские коты перед боем. Морды у всех сделались хищные. Спарринг с Бмыгом уже не казался мне делом безнадёжным. Пыры воюют честно, поэтому они и не правят вселенной вопреки своей феноменальной живучести и еще более внушительному потенциалу разумности.

– Два дня, – вздохнул Саид, старательно не замечая де-

виц. – Ужасно.

Почему ужасно, я не успела спросить: уткнулась в упругий барьер озабоченных медичек.

– В палату, – проблеял издали злодей от медицины, скоропостижно подкупленный заговорщицами.

– Как габ-служашая уточняю под запись: у вас есть разрешение семьи посылать в палату и далее недееспособного пациента?

– Он дееспособен, – неосмотрительно прошипел козел.

– Ты остался без капусты, дядя, – хихикнул Саид, резко сменив настроение. – Сима, ходу!

Мой локоть вмялся в упругость правой куклы. Ногой я подсекла под колено стоящую левее, сразу прыгнула через готовый разрастись завал плоти – и рванула так, что сам Рыг остался бы доволен. Мобильное койко-место, и то малость поотстало, опасаясь утратить пациента.

Коридор был длинный, так трасса олимпийского марафона. Мы пока что лидировали с хорошим отрывом. Враг подбадривал себя визгом и не сдавался. В двух шагах от поворота наивная Сима сочла себя чемпионкой и тотчас была дисквалифицирована за самонадеянность – дверью...

Год назад я могла лишь лупить глаза, летя навстречу неминуемой контузии и жалко охая напоследок. Три сотни вдумчивых избиений-тренировок Рыга многое переменили. Пятнистая от синяков Сима нынешней версии подготовки

успела извернуться и упруго отлететь в угол, разминувшись с прямым нокаутом. Правая рука поправила движение, левая удачно зацепила край подлокотника койки Саида – и Симой, как хвостом, махнули по стенке в повороте... Гав петлей обвился на запястье и помог не оторваться. Если бы не он, подготовки Рыга оказалось бы мало.

– Вау, – глубокомысленно озвучил Саид мусорное словцо, добытое из моей памяти.

– Вау-у, – прохрипела я, выворачивая шею, чтобы как можно дольше не терять из виду то, что и есть «вау».

В проеме двери, которая едва не лишила нас победы в забеге, мелькнуло роскошное, породистое женское тело, упакованное в цензурный минимум одежды. Мой ответный пинок по двери подкосил красотку, она замахала руками и взвыла... Вывернутые назад колени дрожали. Ходить на *этом* девица, похоже, не умела. Но реакция у нее была призовая, и девица совершила рывок инстинктивно, пробуя вцепиться в пролетающую мимо мечту. Влепила себе же лодыжкой по заду – и рухнула под ноги толпе поклонниц с традиционной ориентацией коленей... Я едва успела заметить, как нарастает вал неразберихи, как мелькают руки и ноги. Быстроходная койка, кренясь, завершила поворот и помчалась дальше, волоча потрясенную Симу.

– Может, мне пластироваться как-то пострашнее, – обреченно выдавил Саид. – Не могу так больше. Симочка, я скоро возненавижу женщин. Всех. – Он вздохнул горестнее. –

И еще некоторых мужчин. Знаешь, и среди нелюдей есть подозрительные особи.

Мы миновали еще один поворот, отметивший бок Сими свежим синяком. Саид тормознул койку, наконец-то осознав, что мне больно быть хвостом бесколесного экипажа. Дальше мы двигались чинно. Я хромала, держась за подголовник. Саид негромко обсуждал с Гавом колени той девахи: и вовсе они не «назад», строение по типу мурвровых ног. Я молча ругала себя последними словами. Кто меня дернул за язык с «коленками назад»? Мгновенный пластинг – это безумно дорого, опасно для здоровья и наверняка незаконно. Это будет мне приговором, если породистая кенгуриха догадается пожаловаться в габ-систему. Или еще хоть кому.

– Она не будет жаловаться, – пообещал Саид. – Это моя вина. Я поговорю с ней. Симочка, я год делаю вид, что взрослею, хотя плохо понимаю, что это значит. Можно я задам еще один ужасно личный вопрос?

Я согласно промолчала. Он так же молча считал настроение. Мы добрались до локального портатора, заменяющего тут лифт, и в три шага покинули здание.

От травы оттенка старой бирюзы с прожилками изумруда тянуло терпкой, неземной хвойностью. Воздух был полон распаренным, томным теплом близкого полудня. Ветер ласкался к коже бездомной кошкой, и был он пестрый, свитый из прохлады моря и жары пляжей... Красивая планета. Пер-

спектива тут немного искаженная, уголки горизонта приподняты, как будто мир все время улыбается. Хочется улыбнуться в ответ.

– Все они думают, что я взрослый. На меня охотятся, – Саид начал строить «ужасный» вопрос, запинаясь и отходя от темы куда-то в сторону. – Я признаю, что дал повод, когда провожал на Багриф ребят из группы и сам лечился, меня пару раз задевало, я не говорил. Это все... игра. Детская. Поболтать, побродить по берегу и все такое... дальше. Я слушаю их, много кого слушаю. Всюду игра. Мир так устроен. Сима, ты правильно сказала, когда меня отшила. Я был эмбрион. Думал, что можно сказать «я тебя люблю» и решить кучу вопросов. Все вопросы! Только это не правда.

Саид скис и затих. Кажется, у него не получалось обозначить словами свои метания. Гав щетинил загривок, осуждающе на меня шипел, приняв сторону Саида. Но я упрямо молчала, ощущая себя нарочито глухонемой садюгой.

– Такое было красивое, цельное слово, – горестно вздохнул Саид. – Любовь... Оно разбилось на миллион осколков. Я больше не умею его выговорить так, чтобы в нем накопился смысл. Цельный. Гюль умеет, только у неё получается иначе, это чужое звучание. Бмыг умеет, и тоже чужое звучание. Ты умеешь... только ты молчишь, нет нужного слушателя. Сима, а какое звучание тебе... годное?

Захотелось прямо теперь провалить стажировку и сгинуть на Землю, потому что это в сто раз проще, чем подтолкнуть

пудовым языком к зубам хоть один звук. Не знаю я ответ. Блин, это ж такой вопрос... если б я знала ответ, тогда, получается, ответ был бы уже не нужен.

Универсум живет по законам, похожим на беззаконие пестротой многообразия укладов – почти неограниченного. Здесь можно принять меры и отключить влияние гормонов временно или постоянно. Можно пользоваться неприродными партнерами, моделируя поведение, внешность – да все, в общем-то. Можно коллекционировать интересные встречи, как пробуют сделать почти все девицы, преследующие Саида: им лестно внести в список побед уникального телепата из расы улучшенных людей. Можно еще пес знает что.

Почти любой вариант будет удобнее, чем традиционная семья, требующая притираться к чужому характеру и сомневаться в выборе. Каждый день видеть в своем доме кого-то, кем нельзя управлять. Или не видеть невесть сколько и верить, что когда он вернется, это – радость... Зачем так усложнять? Собственно, это и есть вопрос Саида. Наверное. У меня нет ответа. Но я твердо знаю, что однажды захочу именно так усложнить себе жизнь. Еще я знаю, что империя уважает традиции, и вроде бы именно это помогает им быть численно стабильными, нацеленными на развитие и активными, хотя нет на их планетах голода, нищеты и войн, признаваемых у меня дома двигателями прогресса... Вредными и убогими не менее, чем бензиновый мотор. Только это не ответ.

– Ты же знаешь, мне довольно мыслей по теме, – утешил Саид. Помолчал и тихо добавил: – Хотя жаль, что я по-прежнему не знаю, что надо сказать и сделать, чтобы получить... ответ.

– Ха, – кашлянуло горло Симы, совсем чужое мне в этот момент.

Мы добрались до пляжа. Пустого: ведь посреди него врос в песок пыр, вооруженный двумя палками. Чую, сейчас он соорудит из меня ювелирное изделие типа «отбивная». Вот тогда все вопросы и ответы вылетят из мозгов, как пыль из коврика.

Два дня я продержусь. Наверное. Первый раз думаю, почесывая ноющую в предвкушении скулу: а жаль, что я не телепат. Их, вроде, нельзя бить по голове в спарринге. Под страхом лишения статуса.

Фрагмент зашифрованного дневника. Запись 47

«Пыры от истинных людей неотличимы внешне, совпадают и реакции по основному перечню тестов. Пыры – гуманоиды со сбалансированным сознанием, они успешно реагируют на ситуации спонтанно, но столь же безупречно оценивают свои реакции и корректируют их, исходя из логики. Или отказываются корректировать, предпочитая атипичные решения. Исследования не дают понимания того, что представляет собою сознание и тем более подсознание пыра. Не изучены принципы объединения пыров в группы (так называемое нейро-срацивание), но я уверенно утверждаю: группы имеют отличные от индивидуальных возможности мышления и мироощущения.

Как в указанных условиях прогнозировать поведение отдельных представителей и расы в целом? Как формировать поведение?

Отвергнув внешнее подобие, я сосредоточил внимание на генетической близости. В итоге вынужден отбросить и эту надежду на составление правила сортировки рас с выделением потенциально полезных признаков.

Обитатели Иды и истинные люди близки генной по типу эволюции до мутации, однако в плане социальной организации, базисных основ цивилизации, морали и воспитания, они

совершенно иные.

Что остается? Сосредоточиться на расе истинных людей, к которой сам я принадлежу по рождению. Она многочисленна и, в конечном счете, именно ее процветание приоритетно для меня. Пожалуй, в личных записях я готов назвать иной термин – господство. Понятие считается неприличным в универсуме, насквозь пропитанном ядом идей древних. Этот яд парализует развитие, тормозит экспансию и вынуждает к необоснованному равенству сосуществования для неравных в возможностях, интеллекте, ресурсах.

Какая казуистика... Расы, не имея ничего общего в мышлении, принимают указанное правило на веру. Хуже: они как дети, замороженные сказкой о древних. Я обладаю ресурсами и талантом, я могу уничтожать и создавать миры. Я, а вовсе не кэфы, сгинувшие и почти забытые. Я, а никак не йорфы, готовые покинуть наше пространство в смертной тоске обреченных.

История вторая. Многоликие

Гав заполз на колени, лег, всхлипнул – и принялся вылизывать праздничный рыжий мех, какого давным-давно не удавалось увидеть. Почти год рядом не было Симы. Увы, радость оказалась коротка! Морф проводил избранную подругу, опять остался, исполняя ее просьбы – и вот, выцветает... Делает это искренне, лгать, усилием воли подмешивая в масть рыжий оттенок, он не желает.

– Понимаю тебя, приятель, – вздохнул Саид. – Спасибо, что не бросил.

Гав не повел и ухом. Но свежееобретенная серость меха вроде бы обзавелась намеком на узор. То есть благодарность услышана и принята.

– Гав, сколько мне еще расти до взрослого? – продолжил тему Саид. – Это не честно. Гулька вообще младенец, ты б знал, что творится в ее голове! Гулька одна не продержится и получаса! Я-то знаю. И все же она считается взрослой. Несправедливо.

– Мрр-у, – невнятно буркнул Гав.

– Гав, я не сошел с ума и разговариваю с тобой, а вовсе не сам с собой. Это первое, – обиделся Саид. – Второе. Что второе-то? Погоди. Ага, второе: я разговариваю с тобой, чтобы и ты не сошел с ума.

Гав от логики сказанного долго пялился на Саида всеми

пятью глазами. Наконец, фыркнул и прыгнул на пол.

Как утверждают справочные системы, морфы потенциально способны к осознанной и сложной речи. Но, будучи исходно компаньонами какой-то расы, столь склеротичной или древней, что она забыта в универсуме, морфы предпочитают дополнять собой автономность выбранного друга, а вовсе не создавать ему общество. К тому же всем известно, что общаться с телепатом посредством речи можно и нужно в трех случаях: он слишком далеко и не принимает вас, ваши встроенные системы приватности имеют достаточную надежность, вы говорите официально и формируете протокол встречи. Впрочем, уровень доу, даже не вполне зрелый, почти исключает надежду на должный по толщине щит приватности.

– Как шумно, – пожаловался Саид, заискивающе покосившись на Гава.

Кот – а Гав предпочитал выглядеть так, как нравилось Симе – старательно не расслышал. Скручиваться шапкой на голове он не желал уже полгода. Вроде бы виноват в том злодей Игль из имперского тэй корпуса: внушил морфу идею о вредности привычки к тишине, которая может сделать неразвитого доу в перспективе невротиком, тотально зависимым от своего живого щита.

Нахохлившись, Саид отвернулся, обнял голову ладонями и стал терпеть. Пока он оставался «эмбрионом», как это на-

зывала Сима, и жил в прайде, он, кажется, вовсе не был личностью. Из скорлупы бессознания нынешний Саид проклюнулся, услышав отчаянный крик о помощи, предназначенный именно ему. Воистину удивительно вдруг осознать себя самостоятельным и тем более – полезным, способным защищать... Спасенная Сима стала первым человеком, которого еще безымянный клон увидел осознанно, своими глазами и еще шестым – или какое оно по счету? – чувством, упрощенно именуемым телепатией. Себя Саид тоже увидел впервые ее глазами. Поймал пробуждение близкого сознания после лечения и «всплыл» вместе с ним, от медикаментозной комы до фокусировки зрения.

С того момента он смотрел на мир ее глазами и думал о мире ее мыслями. Это было замечательно. И удобно. Мир в единый миг сделался дружелюбен, цветист и уютен. Сима умела видеть хорошее и принимать прочее не закрывая глаза – но и не озлобляясь.

Когда все та же Сима вышвырнула спасителя вон, одного в большую жизнь, было очень больно. Он снова ослеп и оглох. Он оказался раздавлен своей неспособностью адекватно воспринимать окружающее. Если бы не пыры, он бы, вероятно, и не выдержал первого шока. Но пыры – они, пожалуй, лучшее общество для телепата. Каждый взрослый пыр – вселенная, он способен пребывать вне общества почти неограниченно долго. Каждый пыр – маяк в пустыне бесконечного универсума. По первому его сигналу подобные со-

бираются в группу, чем-то смутно похожую на прайд, каким он, вероятно, был задуман. Никто не знает, что объединяет пыров и как именно любой из них отсылает сигнал о сборе. Определенно, включаются не родственные связи и не сходство интересов. Совершенно разные пыры вдруг сплываются, чтобы вместе решить важное дело, а затем прощаются и расстаются, исполнив замысел. Собственно, именно поэтому агрессия против пыров – чистое безумие. «Действие равно противодействию» – это в самом общем законе универсума именно о пырах. Они эксперты в адекватных реакциях на любой вызов.

Когда телепат, младенец по развитию сознания, попал к пырам и стал разрушаться изнутри, его спасение сочли новой задачей. Сплотились, вытянули. Отучили судорожно цепляться за чужое восприятие реальности. Он попробовал смотреть сам. С трудом, но начал взрослеть – так полагал Бмыг, а ему-то можно верить. И Сима думала так же, определенно. Конечно, нынешний Саид понимал: он пока что не вселенная. Но ведь и не пустое место!

Сима оттолкнула его, когда это было очень важно сделать. Еще немного, и сознание эмпата стало бы неизбежными, пожизненными «ходунками» для недоразвитого телепата.

– Я мозговой паразит, – грустно сообщил Саид.

Гав порычал и вздыбил загривок: не жалея себя!

– Гав, я обожаю тебя, – улыбнулся Саид. – Как хорошо, что хотя бы это я говорю искренне. И думаю так сам. Пол-

ноценно. Без слоения смыслов.

Гав на провокацию не поддался. То есть шапкой работать снова не стал. Пришлось закрыть глаза и медленно, старательно расслабить шею. На Багрифе всегда шумно. Народец подбирается неизменно мутный, куда им до размеров пырской вселенной внутри – так, пылинки, сор и медузы, пропитанные стадными инстинктами, как водой...

– Не желаю читать их, – признал Саид. – Но смиренно принимаю, да, такова моя участь. Они думают. Я не подсматриваю, но вижу. Таков мой рок. Вижу, например, что врач меня не выписал, его подкупила та, с розовой цельно ненатуральной кожей. Как я могу не знать? Увы мне, никак. Я могу и должен делать вид, что не знаю. Я спокоен. Я не урою козлогата. Я не урою никого. Мир. Чертов мир и покой вам, интриганы. Всех прощаю оптом.

Саид глубоко вдохнул пронизанный солнцем воздух – и выдохнул обиду, гнев и усталость. Глаза почти соглашались различать облако серости. Свет пронизывал облако – и оно таяло. Ну и что, ну и пусть чешуйчатое светило медицины, знаменитое на три галактики, непрестанно прилагает усилия, сохраняя невозмутимость и отталкивая в дальний уголок сознания раздумья о предстоящем увеселении, обещанном ему.

Саид попробовал заткнуть уши, хотя это совсем уж глупо. Все равно внятно, что фальшивый звонок Бмыгу устроила зараза, которую вчера Сима обозвала мулаткой-шоколадкой,

громко советуя активной поклоннице завернуться хоть в какую бумажку, чтоб не истаять целиком от мимолетного взора. Увы, звонок сработал: Бмыг улетел, Гюль умчалась следом. Вот кому хорошо! Телепает мужа и напрочь игнорирует остальной универсум. Без щитов, без усилий по концентрации или наоборот, релаксации.

– Я спокоен, как величавый павиан, – монотонно загундосил Саид, щурясь и из-под ресниц наблюдая Гава. – Здешние дуры – гнилые бананы, хорошо придумала Сима. Я сытый, не хочу жрать. Они висят на ветках высоко и мне на них лень глянуть, я сытый павиан... Тут уютно, привычно. Я дремлю. Даже если заразы дозреют и свалятся на мою больную шею, успею увернуться.

Гав чихнул от смеха и свернулся клубком, пряча морду в лапах. Значит, слушает. О павианах Сима подумала мельком, поймался лишь крошечный кусочек идеи. Но, вроде бы, именно такая глупость из клочка могла быть развернута. Саид зажмурился усерднее, не подглядывая за морфом. Стал дышать ровно и упражняться по-настоящему, добиваясь состояния зеркальной сферы – так в корпусе тэев называют погружение телепата в себя, дающее отдых. Сперва ушел поверхностный шум бытовых мыслишек. Затем заглохли деловые и рабочие потоки сознаний. Наконец, выцвели агрессивные «кричалки», прямо адресованные Саиду – великолепному и желанному. Сплошной сор. Шелуха. Еще немного усердия, и подлинная тишина воцарится под сводом черепа.

– Не могу так жить!

Сфера рассыпалась мириадами осколков. В голове, кажется, взорвали галактику. Гав завизжал от принятой на себя части боли. Саид подпрыгнул, саданулся макушкой о потолок и сразу метнул тело туда, где чужие мысли сделались смертоносны. Гав впился в плечо, пребольно – но хоть не отстал. Саид знал, что когда он берет «черный» сигнал, от него ох как многие отстают. Вон – дверь не успела и лежит в коридоре двумя обломками. Воздух тугой, вроде батута. Упругость копится, копится... но пока еще есть силы загонять себя глубже в бешеный бег. Говорят, тут окна небьющиеся, ярус-то из верхних, лететь до лужайки у пляжа далеко, облака обнимают гордую башню медиков.

Под пальцами окно ахнуло, разлетаясь вдребезги. Ногти скрипнули о подоконник, жилы прожгло болью – и они выдержали, улучшенные. Тело мотнуло наружу, Гав, успев стечь на ладонь, усиливая руку живой перчаткой с когтями. Зависнув на долю мгновения, Саид бросил себя вниз и вбок. Рывок, еще рывок. До «небесного сада» – того, что на вершине башни, отсюда ярусов сорок... Худшее началось там и ощущается потоком отчаяния много правее, окон эдак на полсотни. Ужасающе поздно думать, даже падать – и то поздно!

Чужое отчаяние пробило облака и стало зримо: тело плывет вниз возле самого фасада, все происходит медлен-

но в нынешнем ходе личного времени. Совсем медленно, а только – попробуй достань. Хорошо хоть, вниз можно лететь беспрепятственно почти километр вдоль оптимистично-глянцевой цитадели оздоровления и окрасивливания.

Саид дотянулся до тела в семи ярусах от земли. Разбил еще одно небьющееся окно и затормозился. Сорвался, мысленно ругая себя и уважая Гава.

По силе выжигающей рассудок боли ясно, что связки на левой руке придется собирать из лохмотьев... Морф впился в плечи и надулся куполом. Верещит: трудно ему. Еще бы! Если бы козлогад выписал пациента, сейчас Саид падал бы в костюме пилота. А это – полная автономность по тяготению даже на куда более крупных и сложных планетах... Саид не успел додумать, извернулся, группируясь. Рухнул спиной в цветник, сберегая притиснутую к груди самоубийцу.

– Мр-ряу! – восхитился Гав-парашют, вынимая когти из шеи и боков. Он уже во всю складывался в кота, временно украшенного рыжиной восторга по кончикам ворсинок. Гав – азартный морф, скорость и точность контролируемого падения он одобрил.

– *Жалей меня*, – мысленно простонал Саид, ощущая во рту вкус крови и понимая, что ребра целы не все. – *Плоскостные, бывает такая болезнь?*

Захотелось хихикнуть. Увы, легкие не работают. На выдохе он браво пожаловался «аа-х», вдоха сделать не может.

Но Симка бы точно уела плоскожопием, плоскоумием или еще чем внушительным.

В черепе тихо, как будто вселенная вымерла. Неужели сотрясение мозга? Вроде, так это описывал Игль и сетовал, что оно приключается редко. Нет, всего лишь болевой шок. Короткий при живучести в полсотни единиц. Уж возвращаются шорохи чужих сознаний. Громче, громче... Гора больничного корпуса наливается всеми оттенками непокоя, от паники и до ехидного злорадства. Как же! Попытка самоубийства на Багрифе, где жизнь почитают святыней.

У самого носа завис габарит, воссиял мигалками экстренной службы. Захотелось гордиться собой: автоматика не догнала шибанутого на всю голову телепата... Зато теперь усердно отдирает торопыгу от цветника и транспортирует в операционную. Минут двадцать уйдет на разделение человека и впрессованных в него экзотических растений. Еще пять мгновений, пожалуй, займет восстановление целостности костей. Если до того природная живучесть их не срастит.

– Не могу ж., – на сей раз ненормальная вслух сообщила вынесенный себе же приговор.

Хорошо хоть, договорить не смогла: Гав разобрал просьбу друга, соорудил из себя эластичный бинт дурехе на поллица. Вроде он улучшает снабжение окислителем и борется с шоком. Ага, и мешает кое-кому уничтожить свою жизнь окончательно. Большинство рас полагают самоубийство тяж-

ким недугом. В том числе исключаящим право на потомство или уход за таковым – тут есть варианты, их много и некоторые гадки до изумления.

Саид копался в справочнике и вздыхал, пока из спины извлекали спрессованный цветник. Девушка лежала без сознания, придушенная бдительным морфом. Ее пока не трогали, сразу считав состояние как стабильное.

– Итак, – угрожающе начал пожилой врач с мордой очковой змеи и внедренным на уровне подсознания убеждением в святости жизни, – это было...

– Да, было, – перемогая боль, громко возмутился Саид, пока не стало поздно. – Какого черта?

– Черта... какая черта? – запутался ящер.

– Идиома, – более мирно пояснил Саид, истошно подмигивая очнувшейся девушке. – Я говорил в прошлый раз, когда лечился здесь: перила ограждения в небесном саду низкие. Если, положим, некто с моим уровнем физического развития вздумает прыгать в длину, он может вылететь за край, не осознав угрозы. Я говорил! Вслух! Громко!

«Только молчи, – думал Саид для ошарашенной самоубийцы. – Только молчи! Одна ошибка, и змеелюды отправят тебя на пожизненную коррекцию. В вязкий питательный раствор, как овощ. Без права двигаться. Без права...»

– На вверенной нам планете – несчастный случай? Которого можно было избежать? – ужаснулся очковый змей,

нехотя принимая предложенную версию. Он уже проверял ее. И, кажется, именно теперь обнаружил отчет с теми самыми словами. – Да... Можно допрыгнуть, вы угрожали доказать это наглядно. Вы провоцировали несчастную! Похвалялись прилюдно! С этого момента ваше присутствие в наших мирах недопустимо. Жизнь священна. Вы... дикарь и чудовище. Жертва нуждается в компенсации и, согласно нашим законам, вправе рассчитывать на пожизненное ваше...

– Я несовершеннолетний, – гордо сообщил Саид. Встал, повел плечами. Треснувшие ребра никто и не подумал сращивать – врачи гневались всем своим парнокопытным серпентарием. – Претензии можете адресовать опекуну Бмыгу. Ну, или согласно пырым законам, любому взрослому расы. – Саид выдержал паузу. – Будете адресовывать? Тишина... Тогда я считаю себя выписанным насовсем. Жертву забираю с собой, обязуюсь уладить вопрос с компенсацией.

Саид забросил девицу на плечо. Она трепыхнулась было, но верный Гав уже снова работал кляпом. Операционная шипела так, что делалось страшно – и смешно. Даже ярые поклонники суровых законов вряд ли решатся объявлять претензии расе пыров.

Саид до сих пор живо помнил, как полгода назад сморозил редкостную глупость, пожав незнакомую лапу. Он был занят перепалкой с сестрой и в рассеянности счел протянутую конечность универсальным жестом приветствия. Лапа оказалась хоботком, существо – послем. Пожатие хоботка –

оскорблением и намеком на кровную вражду. Посол с раздавленным хоботком сперва впал в кому, а затем, после реанимации, объявил, что прямо тут сживет врага со свету через растерзание. Бмыг, который по счастью был рядом, важно кивнул.

– Как опекун, терзаться буду я, – громогласно сообщил он. – Разрыв жертвы трипсом вас устроит?

В далекой древности дикари-пыры охотились на гигантских трипсов сперва с каменным топором, а затем с примитивным ружьем. Во взрослом универсуме стало гораздо сложнее устроить любимую забаву: просто так охотиться на разумных нельзя, и это ужасно огорчало трипсов! Вынуждало пыров постоянно искать поводы...

– Мр-ряу! – возмущенно высказался Гав.

Саид вздрогнул, вернулся из приятного воспоминания в реальность.

– Повторяю, вам дана одна доля суток, чтобы навсегда покинуть планету, – шипел в спину чешуйчатый медик.

Не отвечая, Саид покинул операционную. Девушка на плече уже не брыкалась, отчаялась. Было противно осознавать свою глупость. Симка эмпат, тончайшее существо. Когда она запнулась, резко обернулась к двери и сказала очень громко это странное «коленками назад», а затем вроде бы невзначай попросила присмотреть за жертвой шутки, надо было услышать и понять. А он не справился, он вел себя по-детски, до-

пустив худшее из возможных продолжений истории.

Курс катера Саид выбрал почти бессознательно, желая как можно скорее покинуть систему медиков. Он устал от небесных садов и бессчетных девиц, улучшающих внешность и, кажется, не способных более ни на что...

– Почему? – спросил он, сгрузив ношу в кресло и кое-как его перенастроив под необычное для гуманоида строение ног.

– Да пошел ты, – предсказуемо всхлипнула спасенная.

И погрузилась в горестные мысли. Утонула в них, окрашивая мир в маркий, не оттираемый черный тон.

Пришлось порыться в справочнике. Все оказалось несложно: истинные люди с генной аномалией нижних конечностей обитали лишь в одной звездной системе. Еще бы! Выходцы с планеты Ид занимали в едином рейтинге второе место по частоте суицидов, уступив лидерство лишь телепахтам... Саид хихикнул. Ничего себе подобрался экипаж! Багриф вздохнет с облегчением, проводив катер.

До приемного створа габ-пирса рукой подать. Первый прыжок выведет катер в пустой сектор пространства, что удобно: можно зависнуть и отдохнуть. Будет почти тихо. Если вкатить снотворное пассажирке.

– У тебя есть предпочтения по маршруту? – на всякий случай спросил Саид.

Поморщился. В голове взорвали еще одну галактику. Ненормальная хотела падать в черную дыру или хотя бы

неудачно портироваться... Лишь бы не возвращаться домой. Куда, как она полагает, ее теперь вернут.

Катер прыгнул. К горлу подкатился комок, глазное дно обожгло болью – как обычно. Это что, при живучести в десять единиц прыжок едва переносим без выхода в стазис. Кстати, живучесть идянки – или как надо называть пассажирку? – двадцать три единицы. Неплохо для природной расы. Хотя для нее прыжок – это три минуты исключенного сознания.

– Как тут замечательно тихо, – Саид и расслабился в кресле. – Гав, твое мнение. Кого будем звать в консультанты? Я телепат-недоросль, в переломах душ ничего не понимаю, сращивать не умею.

– М-рр, – посетовал Гав.

– Не могу же я быть вечной занозой пыров. Симка улетела и сейчас в прыжке. Мурвры, а их я знаю предостаточно, не поймут проблему. У них ослабленная психика – это нонсенс. Дрюккели не гуманоиды и нам не помогут... Гюль не упоминаем. Габ-система в закрытых примечаниях к правилам полагает суицид потенциально заразной болезнью психики, что не хорошо для нашей пассажирки. Империя... А кстати, тут недалеко. И мы с тобой раз сто приглашены Иглем в гости. Я знаю подтекст, но в нынешних обстоятельствах...

Саид тяжело вздохнул. Покосился на идянку, сознание которой медленно выходило из шока после прыжка. Он встре-

чался с этой девушкой полгода назад, когда у нее были обычные для людей коленки. А в голове так плотно роились страхи и комплексы, что сквозь них мысли едва просматривались. Точно одно: он не бросал эту свою подругу – сама сгинула в первое же утро. Он вроде и не должен брать на себя ответственность и заботиться.

Вот только Симка вытащила Гюль из очень похожего состояния – когда незачем жить. Телепаты все без исключения хотя бы раз желают подойти как можно ближе к краю и сделать шаг в пустоту. Если он отпустит дуреху и отвернется, отвечать все равно придется. Стоя на краю и глядя в пропасть. Рядом не будет ни пыров, ни Симки. Ведь сам он не подставил плечо.

Отчего грядущее выглядело именно так, Саид не мог объяснить. Но нынешний выбор, он твердо верил, решал и его собственную жизнь. Пальцы дрогнули, привычно процеживая потоки данных – словно эти данные и правда осязаемы. Нужный контакт нашелся быстро.

– Спокойного полета. Дежурный по внешним контактам корпуса тэй, служба контроля сектора.

Ни объемного присутствия, ни даже плоской проекции с лицом не возникло. Дежурный предпочел оставаться лишь голосом. То есть, судя по всему, считал данные собеседника и следовал протоколу общения с посторонним телепатом высокого уровня.

– Сектора... что за новшество? Это личный канал Игля, –

удивился Саид.

– Сектора мобилей. Вы правы, это не территориальное деление. Игль имперский мобиль, он временно недоступен, – мягко отказал собеседник. Помолчал и добавил, маскируя отказ: – Я могу передать послание.

Саид поморщился. Отказ считывается с интонации и без контакта с сознанием, если есть некоторый опыт. Сейчас слышен именно настороженный отказ. Значит, Игль опять превысил полномочия и попал под внутреннее дознание. Или занят чем-то секретным, для такого дела сун тэй может быть обезличен и замаскирован под представителя низших чинов корпуса. Так или иначе, быстрой помощи не получить. Сознание поднатужилось и выдало еще одно годное имя.

– Дело частное, не надо настороженно оценивать мой вызов. Мне нужна консультация по... межличностным отношениям. Игль сказал, что я могу обращаться, если возникнут вопросы. Они появились. Мне, пожалуй, мог бы помочь Альг. Эр тэй в вашей иерархии, если я верно помню. К сожалению, полное имя затрудняюсь указать. Я видел его цикл назад на планете системы Зу.

Дежурный молчал. Пауза затягивалась. Идянка вышла из шока после прыжка и начала сопеть носом и тихонько всхлипывать.

– На борту пассажир? – насторожился дежурный.

– Да, – Саид ощутил первый порыв раздражения. – У вас проблемы со зрением? Вы бесцеремонно мониторите катер,

полагая, что я этого не замечу. Так зачем увеличивать глупость ситуации вопросами вслух?

– Система Ид не входит в состав империи. Она ведь из означенной системы?

– Ставлю вам отлично по космографии, – раздражение разрослось. – Может, проверим знание устава дежурной службы? Как долго вы можете держать опознанного и невраждебного гуманоида на линии, не предоставляя ему внятного отказа в общении? Если я верно помню, у вас в запасе пять тактов.

– Да, – выдавил дежурный и включил плоскую картинку со своей рожей, пятнистой от напряжения. Он, похоже, прочел в данных по собеседнику «потенциальный уровень доу, в настоящее время в развитии» и отчаянно паниковал. – Отказ будет... простите, вот уточнение. Алыг Сэн Ортш, как мне дозволено сообщить, подал прошение о досрочном переходе в режим дожития. Он пребывает в системе Рай с индексом тридцать три – одиннадцать – семь. Такие данные для вас оставил сун тэй Игль на случай запроса в его отсутствие. Еще он оставил прямое распоряжение передать вам данные личного канала связи с означенным Алыгом Сэн Ортшем. Спасибо за ожидание. Хорошего дня.

Дежурный отключился. Саид посопел громко, помогая себе услышать себя же – и успокоиться. Так советовал Игль, категорический противник вспышек неконтролируемого гне-

ва.

– Если в падении тебе слегка отшибло память, хочу уточнить, я Саид, – сообщил вслух Саид, не глядя на пассажирку. – Добро пожаловать на борт моего катера. Ситуация сложилась так, что сейчас и впредь до... до урегулирования проблем я отвечаю за тебя. Симка отвечала за мою сестру. Симка велела поговорить с тобой. Я не поговорил и виноват. Так что два раза отвечаю и все такое. – Он вслушался в пустоту сознания, истощенного отчаянием. – Яхгль. Интересное имя. Я правильно выговариваю? Вроде возражений нет. Есть хочешь? Понятно. Пить? Понятно. Тогда отдыхай. Это Гав, очень вежливый морф. Он тоже здороваётся с тобой. Сейчас мы направляемся к системе Рай с каким-то сложным номером. Я надеюсь, нас выслушают и не станут поучать, объявлять больными или ограничивать в принятии решений. Я напрочь не знаю, как мне отвечать за тебя. Я этого не умею. Ты тоже не умеешь, кажется.

Идянка молчала отчаянно, закусив губу и моргая мокрыми слипшимися ресницами. Она все время смотрела на свои неправильные колени, и с каждым мгновением ей делалось хуже. Гав подвинулся к новой знакомой, встряхнулся – и пледом укутал ее ноги. Когда колени скрылись, девушка чуть расслабилась. И стала молчать спокойнее. Хотя бы позволяя себе дышать относительно ровно.

– Нет, все не так, – буркнул Саид. – Я не читаю мысли, как книгу. Теперь я вспомнил, ты и прошлый раз думала, что

как книгу. Хорошо бы! Книгу можно отложить. Забыть. Потерять. Мне повезло меньше. Это не текст. Это совсем иное, если тебе интересно. Я смотрю на... сознание. Оно живое и все время меняется. Голова кружится от вечного шевеления и мерцания. Как будто у каждого, особенно кто рядом, бессчетное число лиц. Я гляжу – вот парадное лицо, так он хочет выглядеть. А так боится. А так ему кажется, что его видят завистники. Все лица содержат обрывки... нет, грани. Хотя у кого как. Но ладно, части целого. Или разрозненного. Ты думаешь, я читаю мысли? Хорошо бы. Я бесконечно наблюдаю кошмар мелькания разрозненных клоков, обрывков и граней. Я понятия не имею, какая доля того, что я вижу, сейчас внятна самому человеку. И что именно он внятно думает из того всего, что мне доступно. Или недоступно. Еще страшнее, когда вокруг негуманоиды. Говорят, великий Огга из расы дрюккелей смог достичь полного развития доу. Он перешел в новое качество и умеет читать разные расы, не теряя себя. Не сходя с ума. Не приобретая дичайшую головную боль. И еще сто тысяч «не».

Саид говорил и говорил, хотя вовсе не желал произносить подобного вслух. Но, стоило ему хотя бы на миг смолкнуть, как тишина делалась удушающей, наливалась чернотой... Идянка не переносила молчание. Саид подозревал, что паника в компактной рубке – это слишком. Да и рассудку резонировать с новым взрывом чужой боли ничуть не полезно. Прежние опустошили до доньшка. Еще немного тьмы,

еще несколько капель – и беда сомкнется, утопит.

– Так, нам дали добро на посадку, – нарочито бодро продолжил Саид, откашлявшись. – Тебе оформили допуск для временного пребывания в империи. Ограниченный с оговорками, в целом же гостевой, тип актив. В империи все делится на актив и пассив. Мне как-то до сих пор это не было интересно. Пассивом вроде бы числят обитателей планет, замкнутых в локальных проблемах или локальной же беспроblemности. Занятно, правда? – Он снова откашлялся. Тяжело вздохнул. – В жизни ни разу я не трепался так долго без остановок. Я не умею постоянно говорить. Тем более в пустоту. Ты могла бы хоть хмыкать или фыркать. Или молча злиться. Или не молча, но это было бы слишком хорошо... ладно, пока не получается.

– Mr-ряу!

– Спасибо за поддержку, Гав, – улыбнулся Саид.

Пауза затянулась. Катер тем временем удалось подготовить к новому прыжку, проверив и подтвердив курс. Идянка молчала и держалась. Вроде бы реагировала на Гава – серый в светлых пятнах кот терся об ее руку и мурлыкал. Она моргала, пробовала шевельнуть пальцами и погладить мех. Уже что-то.

Пользуясь передышкой, Саид просмотрел данные по планете назначения.

Рай со сложным номером был в точности таков, как мечталось Симе: море, пальмы, сосны и пикантные мини-обла-

ка. Они не обещают гроз и штормов. Просто висят на краю горизонта, дополняя совершенство коктейля впечатлений. И так – каждый день.

Нумерованный рай входил в систему имперского актив-дожития. Есть, оказывается, и такая... кто бы знал! Саид столкнулся с термином впервые и полюбопытствовал. Оказалось, что каждый обладатель статуса «актив», то есть участник большой галактической жизни, не замкнутый в рамках одного сытого и тихого мирка – так вот, каждый такой житель империи условно делит взрослость на фрагменты по сорок циклов. В рамках фрагмента он обладает правом на отдых. Симка бы, – подумал Саид, – назвала это пенсией. Смешно! По-настоящему старый имперец имеет опыт двух, а то и трех, дожитий. Каждое позволяет ему спастись от выгорания на работе, сменить поприще или просто не сломаться, если обстоятельства надавили в полную силу...

Вот бы понять, Альг сейчас, – додумал Саид с растущим интересом, – отдыхает или лечит нервный срыв? Вроде он попал в заварушку. Некто с его внешностью и документами предавал империю и тэй корпус, пока сам Альг находился в отключке. Самозванца успели поймать и осудить, покрыв позором имя подлинного эр тэя. Позже выяснилось, что лже-Альг и не предавал, и не изменял... почти. Но, как сказала бы та же Сима, осадок остался.

Катер вышел из прыжка. Саид подтвердил новые данные и покосился на пассажирку. Молчит. В ее голове пусто, как

в Зу-габе после большой распродажи. Гладит морфа. Гав теплый – это пока все, что она способна сознавать. Видеть ничего не видит. Перед глазами у нее до сих пор цветник возле входа в цитадель медиков Багрифа. Цветник от небесных садов кажется ярким пятнышком. Во время падения он растет, растет... захватывает весь мир. Кажется, что еще миг – и страх разобьется в лепешку. Тогда станет легче.

– Нет, не станет, – вздохнул Саид. – Я знаю. Сестра... Хотя Гюль мне не сестра, мы с ней клоны, полное подобие при минимальных доработках. Гюль хотела упасть. Я считал ее память. Есть страх смерти и страх жизни. То и другое одинаково мерзко. Сколько себя ни сбрасывай с обрыва, страх не лопнет. Гулька устояла на краю, потому что вцепилась в сознание Симы. Там нет страха. Только жизнь. Головокружительно и роскошно – ты умираешь, раздавленная, а она рядом и вообще не верит в страх. Ее мир цветной и уютный. С ней Гав – рыжий счастливый морф. А со мной – сама видишь... серый. Потерпи, скоро будем на месте. Алы очень взрослый и умный. Может, он поможет нам разобраться. Мне стыдно донимать Симку очередным срывом.

Катер прыгнул, и идянка впала в бессознание. Саид перетерпел укол головной боли и покосился на морфа, по-прежнему изображающего плед.

– Мало мне Гулькиных наездов, еще и эту снабжай шмотками, – буркнул телепат. – Гав, как думаешь, мы крепко влипли? Не гуди, я сам вижу, что отступить поздно. А что

было делать? Ты ведь не скажешь «ничего»? Вот именно. Хотя мог бы отговорить меня, ты взрослый, рассудительный морф. Из нас двоих только у тебя и есть жизненный опыт. Ты мог меня хотя бы экранировать.

Гав, как всегда при развитии темы о шапке-глушилке, отвернулся и сделал вид, что не слушает.

Фрагмент зашифрованного дневника. Запись 49

Рассматривая осредненно расу на этапе монопланетной культуры, в центр композиции я ставлю фактор ограниченности в ресурсах. Почти любой «штамм» генома людей под давлением указанного обстоятельства демонстрировал сходные поведенческие и ценностные характеристики.

Люди эффективно конкурировали и придерживались иерархией, где в базисе жизнедеятельность, выше личная безопасность, и далее по нарастающей к современным нам самореализации и творчеству.

Устранение дефицита пространства и энергии привело к расшатыванию и в дальнейшем крушению иерархии. Каждый современный житель природных планетарных сред практически неограниченно снабжается необходимым и даже излишним. Так называемый имперский «пассив» может позволить себе творчество, самоизоляция или же растительное бытие на благоустроенных планетах, не включаясь в общую работу и не прилагая усилий к борьбе за комфорт, доминантность.

Подобная ситуация исключает такие мотивы развития, как страх голода или угроза безопасности. Притупляет азарт, делает бессмысленной карьеру как путь к благам и ресурсам. Конечно, остается власть. Но, оторванная

от базиса ценностной иерархии, власть эфемерна. «Пассив» не готов прилагать усилия, либо «по пути» в «актив» он находит личное, искаженное видение ценностей.

Примечание. Отдельного внимания, возможно, заслуживает изучение так называемого феномена вторичной (возбуждаемой наставником) персональной эволюции, создающей при должном усердии и некоторых задатках из любого человека вторичной развертки телепата, эмпата, прогноста или телекинетика – тип дара как раз задается предрасположенностью, а сила его скорее определяется уровнем «мощности» личности. Помимо развития дара, внешнее возбуждение существенно меняет человека, разрушая его до перехода в пассив или же оттягивая видение ценностей к кэф-философии. Именно изменения личности делают на первом этапе проработку этого типа влияний малоинтересной.

Сказанное позволяет резюмировать: истинные люди, основной объект моего интереса, в процессе социальной эволюции достигли стадии ветвления «цивилизационного древа». Такая теория объясняет дифференциацию ценностей и мотивов. Мы наблюдаем миры и звездные скопления, узко специализированные на обучении, искусстве, науке. Оборона, защита прав на открытия или адекватная компенсация усилий становятся вторичны, если вообще учитываются в указанных социумах. Одновременно крепнут презре тупиковые альтруистические мотивы, приводящие к жертвенности и саморазрушению. Тут я снова вижу влияние кэффов

с их философией «экосистемы разума», когда максимальное разнообразие признается большей ценностью, чем личный успех одной из рас или цивилизационных моделей.

История третья. Эпохальное ЧП

Бум! Катер вышел из прыжка. Рановато вроде, резковато. Ох, чую по тусклому похмелью, что дальнейшее мне не понравится. Я сама составляла программу полета. Дело несложное, если забить на тонкости супер-пупер навигации и дать волю автоматике. Я дала. Она взяла. И – вот.

Всюду здесь темно, как у спящего трипса под брюхом. Мозг в аналогичном состоянии – сплюснен недоумением в лепешку. Рядом, уже вижу и читаю в отчете, нет ни габа Учи, родного моего, ни вообще хоть какого габа – неродного. Тлеет поодаль, если это не глаза глючат, неяркая бурость. И еще дальше тлеет. И еще... Ничего знакомого. Ау, автоматика! Какого рожна, а? То есть я, ут-габрехт Серафима, официально запрашиваю причину смены курса, нержавое ты ведро с несвежими программами!

«В активной фазе прыжка отмечено проявление признаков близкого сигнала бедствия. В полностью автоматическом режиме решение по проблеме не может быть получено без уточнения типизации. Прыжок прерван аврально».

Вот тебе, Симочка, и день экзамена. Только ты могла умудриться поскользнуться в пустоте космоса, где нет ужасной распутицы, луж или хоть банановых корок... А что есть?

Связь есть? Хоть связь! Проверяю. Надеюсь... Нет связи. Координаты дыры, где я застряла, есть? Нет координат, тупая автоматика прервала прыжок именно аврально. То есть переход в ручной режим совпал со сбоем какой-то системы, что означает: я в любой точке пространства, зона поиска равна длине прерванного прыжка. А что это было за прыжок из серии? Ага, пятый.

Моя тупейшая «Стрела» исполнительно сорвалась с тетины габ-пирса Фи, допустимое произношение Фик – чего стоит одно это название! Итак, «Стрела» ушла в полет и не прибыла по назначению, промазала, потому что взбунтовалась на-фик. Пирс этот фиков, согласно данным справочника, безлюдный, вслед мне никто не махал платочком. Еще бы! Вся габ-фик-ня находится на границе сектора древних. Который неавтоматические курсопрокладчики огигают с усердием, и куда не лезут даже автоматы с корректным набором правил: место специфическое. Пустое, населенное... призраками. Ну, древние хозяева ушли, их бесхозные планеты обветшали, в гулких лабиринтах чадающих старых созвездий бродят никому не нужные устройства с неизвестным запасом энергии, воют маяки и перемигиваются станции слежения, хотя следить некому и не за кем.

– Почему ты сюда врзалась, «Стрела» Робин-Симы? – спросила я. – И кто тебя отсюда выдерет? Тут нет благородных разбойников. Никаких нет.

Вдумчивый осмотр рубки подтвердил: если не я, то

кто же? Призраков, и тех еще поискать. Они умнее Симы и свалили, чтоб не сдавать экзамен на спасение ут-габрехтов от изощренных мук навигации вслепую.

Ладно. Будем рассуждать логически.

Где запись сигнала бедствия? Вот она. Выводим для просмотра в динамике. Красиво. Годится для заставки на монитор. Стоп, не до шуток. Запускаем алгоритм конденсации мусора из здешнего эфира, который так засорен, что, возможно, из-за мусора и нет связи. Ждем, пока процесс анализа приведет нас хоть куда. Добротный тупик тоже годится, он лучше, чем пустота на свалке древней, всеми забытой, истории!

Ага. Совпадение по шуму. Сигнал так называемого бедствия тут все время плавает. Зацикленный. Его бросают туда-сюда два скучающих маяка-ретранслятора. Перемигиваются они, заразы. Один маяк поближе, на орбите планеты. Второй подальше, он мощнее. Планета отстойная, ядро холодное, сама похожа на высохший инжир. Не хочу туда. Там пусто, я чувю. Следовательно, верим в интуицию и гребем ко второму маяку. Включаемся в игру «найди меня» – то есть врубаем постоянный вызов габ-служб. Авось, сигнал пробьется. Что я учила про сигналы и сбои связи?

«При авральном срыве процесса транспортировки, так называемого прыжка, порой возникают искажения рельефа по ряду пространственных и силовых параметров. Подоб-

ные аномалии могут временно дестабилизировать каналы связи и создавать так называемые «ловушки эха»...

То есть сбой прыжка мог заикнуть «так называемый» сигнал бедствия? Не знаю, вот такого я не учила. Дайте Симе весло, она виновата в своей малообразованности и испугит ожесточенной греблей если не этот грех, то хоть приступ озлобления. Потому что я зла! Что, трудно мне было вручную проверить курс? Это ж нефиг было рисоваться перед Гюль, красиво делая ручкой вместо просьбы помочь с вводными. Ах, сама справлюсь. И справилась...

«Внимание пилота, – ноет в голове корабль. – Прошу уточнить технические характеристики запрашиваемого оборудования, условное название весло. В инвентарной описи не числится».

Сколько поколений отделяют мое нержавое ведро типа «Стрела» от разумного, одушевленного кэф-корабля? Пропать. Весь здешний взрослый универсум – ясли для слабо-развитых, если сменить точку отсчета!

– Отмена по поиску весла, – одернула я корабль. Вздохнула и одернула капитана: – И ты прекрати-ить кипеть, нарушая терморегуляцию вверенного помещения, гражданка Серафима. Габлом была, габлом и останешься. Ума-ить нет.

Гражданка после громкого замечания в свой адрес пристыдилась. Стала думать, собирая ум в кулак и там его потно перетирая. Саид так делал пальцами – и потоки данных сра-

зу структурировались. У Саидки руки растут из другого места, наверное. Он почти что гений и точно не летает в ночных кошмарах из габа Жо к пирсу Па... Причем с засаленным бумажным справочником, из которого понятно зачем вырваны самые ценные страницы. Мягкие.

– Ц-цц... Прюм! Прю-йм! – зашипело в рубке. – Прюм! Ц-цц!

Я возрадовалась. Говорящее на годных мне частотах привидение – это же здорово! Оно, глядишь, еще и умное. И пошлет Симу туда, куда надо. Хоть куда-нибудь. Потому что катер типа «Стрела» сам на автомате не прыгнет из неизвестной точки пространства. Он нуждается в привязке к координатной сетке. Увы, пока ни сетки, ни авоськи нету. Кругом сплошная нихренаська.

– Сердечный вам прюм! – подбодрила я неизвестность за бортом.

Там притихло. Долго молчало, пока «Стрела» на маневровых ползла к маяку, пьяно повиливая кормой. Я не очень ловко управляю без помощи автоматики.

– Чертова табакерка, от этой возни с управлением нос чешется, он чует, как мне будет-ить больно позже. Шея чешется... Нос предвкушает-ить клевок от Тьюитя. Шея – взмыл от Рыга, – чтобы не молчать, сказала я вслух. – Вы как, уважаемый, все еще со мной? Прюм или не прюм?

– Ц-ц-ц, анали-ц про-ц-вигается, – сообщил тот же голос бодро и бегло, с каждым словом становясь внятнее. – Уни-

вер-цальная язь, да? Упрощенная вер-ция... Ц-цц, у меня много образцов в воронке уловителя, как же я не отладил произношение? Прём! Ц-цц, при-ём! Вы здець? Не покидайте, у меня-ц бец-цвие. Ужасное бец-цтвие! Нужна помощь разумного сущец-цва.

– На борту имеется существо, – вздохнула я. – Оно, то есть я, точно вас не покинет в ближайшее время. Весь вопрос в разумности.

– Отчего же, я оц-цтроил воронку поицка... поиска, при-тянутое должно соответствовать заданным параметрам, – все быстрее тараторил голос. – Прюм... приём. Дайте до-пуц... допуск на подключение к системам. Я усвоил конструктивную логику. Считаю данные по окислителю и параметрам тяготения, запроектирую систему ц-тыковки, чтобы встреча прошла без осложнений.

– Даю добро, хоть я и не таможня. Вы кто будете? То есть кто или что? И будете или были?

– Ц-цц... Какие милые вопроц-цы! Я дежурный по сектору, – смущенно и с запинкой выдал голос то, что хотел бы полагать удобной версией правды. – Ответственный... по сектору, да-ц.

– Какому сектору?

– На язи он именуется сектор древних, – почти обиделся голос и снова начал тараторить со скоростью разгоряченного итальянца. – Вы разве не ц-наете, где вы? Дурно, дурно! Мое понимание современного вам типа формирования коорди-

нат неполное. Прием! Неполное... Но если-ц настроить воронку сбора недостающих сведений, то успех будет достигнут в течение полудоли цикла. Да! Полудоли. Я формирую причальный рукав. Жду вас, у меня не было гоц-тей с начала смены, я рад.

– Это долго – с начала смены? – я заподозрила подвох.

– Ц-ц... ц-семь юков, – запнулся голос. – Прюм!

– Юки переводятся в циклы?

– Ццц...

– Хотя бы примерно, – ожидая нехорошего, попросила я.

– Не ц-знаю, – осторожно отозвался голос. – Я сам их ввел, видите ли. Когда пришел к идее необходимости вымерять время. Я их ввел и у-ц-ловно привязал к уц... условно заданной точке начала... ц-ц... смены. Добро пожаловать! У нас сходный при ряде оговорок окислитель, тяготение я настроил, оно мне безразлично, так что чувствуйте себя как... как дома, да-ц?

Вообще-то именно этого я не хочу. «Как дома», чую, может здорово затянуться.

В любом случае нефиг хандрить. Никогда не вредно выйти из корабля и размять ноги. Тем более хорошо, что есть, куда выйти, окислителя вдоволь и тяготение подходящее. Причин для жалоб – ноль. Меня даже пришибить очередным взысканием не смогут, пока не обнаружат.

Люк открылся. Дал мне обзор на величавый, хоть и ма-

лость запыленный, космос. Сквозь него к чужой станции вел рукав переходника, натянутый из чего-то похожего на сетку для рыбной ловли. Под ногами сетка малость пружинила. Ячеи в ней были крупные, наступать приходилось с осторожностью, чтобы ступня не провалилась. Как эта сеть держит воздух – ума не приложу. Ну и не надо его прикладывать, атипичный. Пожалуй, пусть пока безопасно покоится с миром.

Впереди, метрах, наверное, в трехстах, виден парадно освещенный мелкими звездочками круглый люк. Впившись в него десятком лап, меня ждет презанятнейшее создание. Лапы у него длинные, многосуставчатые, из некоторых сочленений гроздьями растут пальцы – или что оно такое? Наверное, пальцы. Удобно, что их вдоволь, прищемил пару-тройку и не жаль... Тельце у создания не крупное, Гав разве на треть помельче, когда изображает кота. Но этот не кот, он типичный Чебурашка. Остроухий только. Седой, благообразный, кого-то смутно напоминает... Успею разобраться, пока важнее иное. Этот паукообразный чебурэльф в справочниках габ-системы не значится, я уже два раза его сверила с каталогами известных рас. Значит, он древний чебурэльф. И, похоже, отшельник – иначе зачем ему так радоваться гостю? Вон, аж подпрыгивает, ушами прядает...

– Здравствуйте. Я Сима. Серафима Жук.

– Не жук, гуманоид, – поправил он. – Добро пожаловать на станцию, так вам удобно называть мой дежурный пост? Я

принадлежу к расе цщ... не могу выговорить на этом наречии. Имя тоже не могу. Прощайте.

– Эйнштейн! – врубилась я. – Ну вылитый... прям как в Википедии. Простите. Глаза, прическа... Вот это встреча... гм.

– Эн-цш... Эш. Коротко. Оба звука есть в полном имени моем. Зовите Эш, – обрадовался чебурэльф. Перебрал лапами и сместился к краю люка. – Проходите. Я натянул ячеистые ярусы. Для вашего комфорта. Будем обедать. Обедать! Не потреблял белковую пищу три юка. Или никогда не потреблял? Надо попробовать.

– Баба Яга так же говорила, – буркнула я с подозрением. – Хотя баню вы не топили для гостей?

– Баню? Как ее топят? В чем топят? Сколько нового! Идемте обедать. Я хочу знать про баню. Это сложное техническое устройство? Это кулинарный рецепт?

– Строение для гигиенических целей.

– И его... топят. Потрясающе!

Чебурэльф подпрыгнул на всех лапах, завис, цепляясь за невидимую мне паутину и помчался в недра станции, гостеприимно помахивая мне лапами – мол, проходи, не стесняйся. Я двинулась вперед по упругим полам, балансируя и привыкая к их колебаниям. От поведения Эша в голове плясали совершенно невнятные мысли, они не желали складываться даже в самые нелепые догадки. Это вообще что такое? Он упомянул воронку для сбора чего-то... да всего! Вот

спорим на поясок Чаппы, этой воронкой меня сюда и засало. А «бедствие» в переводе с древнего означает – скука.

– Эш!

Он умчался и пропал в лабиринте паутинных ярусов. Хорошо хоть, паутина малость светится и я не теряюсь в станции, которая вся – обман. Чем дальше ухожу в ее недра, тем она огромнее. Тут явно нелады с пространством, оно кривое. Внутри больше, чем снаружи. Хотя чего еще ждать от древних.

– Эш!

– Сюда, вот сюда. Я анализировал данные. Верно воссоздан стол? Верно воссоздана тарелка-ц?

– Да. И даже салфетка, вы просто гений, Эш.

– Гений, – скромно согласился он и покрылся бархатом – незримые до того ворсинки на корпусе встали дыбом. – Вы льц-тите. Увы мне, вы льстите. Я самонадеянно хвалил себя. И – вот. Бедствие. Ужасающее бедствие меня подстерегло. Кушайте. Когда кушаете, я могу излагать худшее? Силы вас не покинут, если их подкреплять белковым стимулятом-ц... стимулятором.

– Не покинут.

Будь я разумным существом, я бы не стала есть невесть что невесть где по приглашению невесть кого. Но, если честно, переживания вдруг дико захотелось заглушить сытостью. В тарелке лежало... не знаю, что. Такое гофрированное с фстончиками, похожее на грибы-лисички. Только розовые.

Я взяла самый мелкий, понюхала, сочла впечатления сносными. Откусила с краю. Кисло-сладко и скрипит на зубах. Интересно, жую из вежливости или у меня челюсть свело? Неуютно. Ох, не эльф он, не эльф. Тем более не Чебурашка.

– Все началось, когда... не знаю, когда, – острые уши поникли до горизонтальности. – Быть дежурным в пустом секторе ужасно. Я разнообразил досуг. Сперва я не думал о таком радикальном варианте. Ну, наверняка сперва не думал-ц. Только у меня было время... И я додумался. – Эш высоко поднял мелкое тело на лапах, такое поведение внятно подчеркнуло важность следующего сообщения. – Я совершил закрытие. Да. Вы льстили мне. Я тоже льстил себе. Я думал, что я – гений и после закрытия пройду путь в приемлемые сроки. Но семь юков... Ц-ц-ц! Очень много, кажется. Я не гений. Я стремлюсь, но все сильнее подозреваю, что мне никогда не справиться. Я оставлен дежурить, но я не могу дежурить теперь, после закрытия. Неполноц-ценен.

– Что такое закрытие?

– Закрытие! – уши сложились в версию «больной спаниель». Эш свернулся клубком на краю стола и сматал все лапы, обнимая себя. – Это закрытие. Разумные в процессе эволюции делают открытия. Я стер эволюцию до основания. Это – закрытие. Очень интересно восстанавливать понимание мира с самого начала. То есть... было интересно. Потом страшно. Потом непереносимо жутко.

– А того, открыть обратно... закрытие? – уточнила я, до-
едавая вторую лисичку. Они вкусные. Сейчас еще возьму. На-
верное возьму, если захочу. Потому что я то ли хочу, то ли
нет, а рука тянется. Сама? Упс, непорядок. Строго вразум-
ляю руку, харэ трескать розовую дрянь. – Вы что, не преду-
смотрели кнопку аварийного выхода?

– Как же! Я предусмотрел, – он прикрыл свои умнячие
глаза. Снова распахнул и уставился на лисички. Быстро сца-
пал одну и стал жевать. Он жевал, я, оказывается, тоже... Он
проглотил. Я тоже. Он заговорил, я преисполнилась внима-
ния. – Предусмотрел. Только то, что имело смысл до закры-
тия, теперь вне моей логики. Я не могу найти выход! Не мо-
гу-ц. Не могу. Не могу...

Он страдал, перекатываясь по столу туда-сюда и плотнее
обнимая себя лапами. Видимо, так он выражал крайнее от-
чаяние. С лисичек меня пробило на острую форму сочув-
ствия – аж до слез.

– Вы живы, в безопасности и не имеете ограничения
по времени поиска, – утешила я. – Зачем так страдать?

– Но я даже не знаю, куда мне вернуц-ца после дежурства!
Где моя раса? Могу ли я считаться ее частью, если полностью
изменился и сейчас свободно общаюсь с вами, существом
следующего универсума? Я вывихнут из миропорядка. Меня
надо вправить! Я сам не могу. Не могу...

– Стоп, эту песню уже крутили сегодня. Я поняла после
второго куплета, больше не надо уточнять. Сменим пласти-

ну. Эш, я тоже не гений. Почему воронка сюда подтянула именно меня?

– Не знаю. Воронка не мной нынешним создана. Мной прежним. Я активировал. Не знаю в точности, как. Она выбрала и подтянула. Вы годны-ц! Вы должны в это верить. Я не могу остаться без надежды. Не...

– Стоп. Я давно поняла.

– Ц-ц-ц! Не могу, – катался он. – Не могу...

Поскольку ушастый Эйнштейн не мог взять себя в руки, я сделала это за него. Взяла, убаюкала и погладила по ушам. Он легкий, килограммов пять, пожалуй. Слегка теплый. То есть сам не особенно, а ворс греется об кожу. Тщательно поглаженный Эш примолк. Я воспользовалась тишиной и хорошенько обмозговала историю.

Так, по порядку. Меня занесло сюда не потому, что я самый плохой навигатор в мире. Просто сюда занесло бы любого, до кого дотянулась бы воронка древнего «пылесоса». Я доверчиво вперлась внутрь станции, бросив корабль и не отправив сигнал бедствия. Я эмпат и точно бы просекла прямой злой умысел, его нет. Это хорошо. Но вот что плохо: с моей стороны опять последовало нарушение инструкции и здравого смысла. Спонтанность мне свойственна, но такая – перебор! Значит, от корабля меня уже малость тянуло, иначе чего я заспешила? Типа – спасти. Он и правда страдает. Это чую, это без обмана. Вывод первичный. Эш так нуждался в обществе, что применил сильные средства для

избавления от одиночества. Мое мнение не имело значения и оказалось субъективным. Хотя анализируй не анализируй, а ушастик – лапочка и даже няшка... Стоп, сунем голову под кран холодной логики.

Дальше думаем. Лисички. Нафига мне приспичило их трескать? Захотелось. Кажется, история с обедом мне вообще не нравится. Немного отдышавшись, мой мозг, размещенный в черепахе навыворот, сгенерил вопрос.

Какова роль Симы в борьбе с закрытием? Глупо ожидать, что в мои обязанности входит лишь поедание лисичек и баюканье чебурэльфа.

– Эш, а вот...

Он встрепенулся, выкатился из рук и умчался. Сразу вернулся, помахивая дюжиной тонких палочек, похожих на дирижерские и зажатых в пучках пальцев.

– Чистый мозг. Хорошо! Теперь буду вести тебя от начала, от колеса. Да!

– У нас говорят от печки.

– Тот же уровень цивилизации, – обрадовался Эш пониманию, которого не было и в помине. – От колеса! От! Туда-ц. Туда, давай. Быстро, надо много проверить. Сколько юков живут в твоём виде?

– Опа... приплыли. – Начала я запоздало въезжать в ситуацию и перешла к разгневанной фамиллярности. Официальные скандалы – не мой жанр. – Ты встряхни мозг, гений! Тоже мне, позвал в гости, а набиваешься в учителя и вожди

воспаленного студенчества. Меня выгнали из института, понял? У меня интеллект тридцать один. Ну, почти. До пере-
смотра.

– Учту. Буду интенсивно учить, – перебирая лапами, Эш
крался ко мне, норовя ткнуть указкой в руку.

Я отступала. Указка жгла, как крапива. Чую, вот чую,
пусть и запоздало: дело труба. И не подозрная, а куда глуб-
же и гаже... Бывает у людей право на образование. Но здесь
кое-кто думает, что в пределах станции учение – это долг.
Мой. Пожизненный. С переходом в посмертный?

– Не хочу учиться, – заявила я и поперхнулась. Вторую
часть фразы я знаю. Но это преждевременно. К тому же вы-
бор кандидатов тут...

– Надо, Сима, – строго сказал Эш. – Надо одолеть ошиб-
ку закрытия. В тебя через питание внедрены нокры. Могу
фиксировать активность мозга. Могу корректировать. Могу
синхронизироваться с собой. Нокры! Изобрел недавно. Гор-
дился. Нокры будем учить нескоро. Сейчас иди туда-ц. Пер-
вый уровень. Механика.

– Упреть-ить, взопреть-ить, – проикала я. Окрепла
в нежелании учиться и стала искать выход. Пока взглядом.
Только он не прожигает паутину. – Спасите Симу! Эй, люди
и нелюди, а? А-аа!

Я старательно протранслировала мысль как можно гром-
че. Мало ли, вдруг кто разберет? Йорфы хоть, до их сектора
отсюда недалече, два прыжка. Или Кит, он иногда слышит

меня. Или Саидка, хотя сколько он может выковыривать меня из разных бед, куда я влипаю сама и охотно, прям как новенький башмак в..?

Эх, у некоторых аналогии позитивны и без вони. Я вздохнула. Эш от моего удрученного молчания взбодрился. Быстро смотал из паутины кресло, мне на него указал и начал вещать что-то невнятное из геометрии. Наверное из нее, откуда бы мне знать в точности? Он же после закрытия всегда говорил сам с собой. Он и теперь ровно так поступает. Объемный экран создал, из паутины натягивает фигуры, бегают, пальцы натурально – веером, и их так много, что любой криминальный авторитет увянет и утратит вкус к распальцовке, раз глянув на шоу психованного профессора. Самопровозглашенного.

– Не понимаю, – капризно буркнула я. – Плохо учишь.

– Хорошо, – подпрыгнул Эш и повис на паутине. – Гений.

Почти.

– Не понимаю, – гнула я свое, нащупывая намек на план и опасаясь думать подробности, а ну как он читает меня. – В чем меряешь это? Такое вот?

– Такое-ц? – Эш растопырил лапы, подражая мне. – Какое?

– Длину, наверное.

– В куюках... ццц. Если мы говорим об одном и том же.

– Во-во. И я чую, куюк приходит. Переведи куюки в метры.

– Метры. Определение имеешь?

– Нет.

Я мрачно хмыкнула. Симу учить – это тебе не закрытия делать. Еще кто от кого сбежит, головой боля и на ходу верша герметичное закрытие люков...

– В чем меряешь это? – я обняла руками пустоту, таращась на самопровозглашенного академика с крайней дикостью и даже намеком на оскал.

Эш отодвинулся и затоптался в смятении. Умчался, приволокну корзину с розовыми лисичками. Рука к ним сама потянулась, но я врезала ей по пальцам. Другой рукой, более послушной. Эш сморгнул.

– От сытости тупею, – строго предупредила я. Подумала и добавила, чтоб его проняло поглубже: – Мне есть, куда тупеть. Да-ить!

– Куюк есть мерило мономерности-ц, – осторожно начал Эш.

– Мерило мерности. Фи. Определение не должно включать понятие. Еще раз. Повнимательнее учи.

Эш смущенно потоптался, сожрал горсть лисичек, взбодрился и затараторил, размахивая лапами. Я зевнула и почесала затылок. Села в кресло. Прикрыла глаза и стала монотонно кивать – типа усваиваю. Под бормотание Эша недурно дремалось. Думалось куда хуже. Пока наверняка понятно, что бархатистый гений далеко не доу, телепает меня вообще слабо. Не отличает сон от внимания.

– Куюк формируется методом умозрительного отсеечения... – Эш смолк. – Мозг пассивен. Сима, надо учиться!

– Плохо учишь, – начала я по второму кругу. Тяжело вздохнула и поморщилась. – Не гений ты. Ну, как препод – вообще отстой, уж прости. Опыта нет. Людей надо поощрять. Людей надо увлекать. Наконец, важно использовать современные методики улучшения усвояемости... Вот габрал учит меня через наложение рук. А мудрец покруче тебя, Зу из системы Зу, повышает впитываемость мозга через обработку его порошком. Изнутри.

– Нокры тоже изнутри, – обиделся Эш.

– Ну да. Только пользы чуть. Закрытие подкосило тебя, – поморщилась я. – Хочешь, сбегая за порошком?

– Сам, – вздрогнул всем телом Эш.

– Не найдешь. Ты свою ценную кнопку, и ту потерял.

– Улететь не сможешь, не вернуться сюда тебе не позволят нокры, – Эш вслух признал свое коварство. Молча привел себе же какие-то еще доводы, загибая многочисленные пальцы пучками и кивая ушами, так он соглашался со собою, мудрым. – Разрешаю ненадолго прервать внедрение знаний. Но быстро туда и назад. Бегом. Да-ц, бегом.

Я рванула с места, как габарит по сигналу бедствия. Промчалась по упругим дорожкам, подсвеченным для меня. Уф... выход. Паутинный трап цел. Впереди – моя дорогая, моя родная «Стрела».

Прыгаю в люк, задраиваю его, рушусь в кресло и хлопаю всей ладонью по сектору аварийного сигнала типа ло – то есть экстренного, на самый крайний случай. Сейчас система оценит наличие рядом живых и потенциальный вред для них, выберет безопасную плоскость развертки и сделает разовый выброс во всех доступных ей режимах. Это малость подкосит здоровье пилота: почти всегда он, то есть сейчас я, оказывается задет секущей плоскостью сигнала. Между прочим, сигнал типа ло – это почти сверхновая по мгновенной мощности. Существа примитивные, не прошедшие вторичной развертки и способные выживать лишь в колыбели родной планеты, под ударом сигнала ло погибают. Те, кому повезло быть вторично развернутым, нуждаются в инъекциях восстанавливающих препаратов. Кресло именно теперь вжарило мне укольчик, от него в мозгу прям фейерверк... Больно. Душно. Вдобавок накатил приступ паники – ну, это в инструкции прописано, побочный эффект сигнала, быстро рассосется.

Что дальше? Времени мало, руки едва слушаются, скоро меня скрутит по полной и потянет в поход за знаниями. А студенческий билет от Эша – пожизненный, оценки будут выбиты на Симином надгробье... Если я не откошу от очередного образования. Ох, не зря его зовут вышкой!

На ощупь тяну скрюченной рукой зюй, есть щепоть. Сыплю на язык и против воли бреду к люку. Меня уже проняло до подмышек. Только спину еще чую, ну – она не тянется

к знаниям, она пузырем круглится и мерзнет. Не хочу учиться! Не хочу. Не хочу...

Стоп. Меня клинит, почти как Эша. Влияние? Наверняка.
– Зу! – ору во всю глотку.

Вымер, что ли, универсум? И этот не отзывается...

Люк предал габ-систему и ползет в сторону, открывается.

Паутинный трап вижу, мой взгляд к нему будто прикован. Тащусь к станции и не хочу учиться до одури и помрачения рассудка! Паника в душе растет, она не приступ, она пожар в нефтехранилище... Вулкан мега-размера. Большой галактический взрыв. Не хочу туда. Не хочу!..

Пудовые ноги переступают. Станция Эша все ближе. Упорно пялюсь в дыру темного входа. Еще десять шагов по паутине, натянутой в пустоте. Когда теперь звезды увижу! Девять шагов. Зюй, ты ж должен обострить мою атипичность, давай уже! Время тикает. Восемь шагов.

В круглой дыре люка станции тенью со вздыбленным ворсом возник Эш. Волоски светятся алым и фиолетовым, будто по ним молнии пляшут. Нечто темное вылетело в универсум – вижу отчетливо, оно из лап тянется вязкими каплями, оставляет след. Оно все ближе, нацеленное в меня. Сима, ну и соня твоя эмпатия! Это так просто, а спину ознобом прокололо лишь теперь – да, ты попала по полной! Тут же кроссворд уровня придорожных электричек: «гостя паука, четыре буквы»...

Вязкое меня достало, налипло на пленку лицевой защиты,

на руки от кисти до локтя – я успела поднять ладони и закрыться. Рывок!

Стало сразу холодно и ужасно тихо. Я в первый миг не поняла, почему.

Эш дернул свою паутину – и она, прилипшая, содрала ключья защитного костюма. Вязкая дрянь, брошенная в меня, по-своему гениальна, ей удалось мгновенно испортить снаряжение габ-служащего! А я думала, что костюм очень, очень надежный...

Удивительно, как много мыслей помещается в один миг, при условии что он – последний. Сейчас я твердо знаю: разгерметизация меня избавляет от высшего инопланетного образования. Минута – и не будет такой угрозы, как не будет и Симы.

Невероятно. Когда уже я помру-то? Давно пора, давно... А я продолжаю видеть. Глаза у человека нежнейшие, замерзнуть должны на раз... или лопнуть? Брр! Думать противно. Но мне везет, они не мерзнут и не лопаются: я вижу, как Эш судорожно цепляется лапами за края люка, как лиловость всполохов на его ворсе выцветает. Чебурэльф делается невидимкой, черный в черной дыре люка. Это у меня резкость зрения падает? Наконец-то, а то мру – как лебеди в балете... или еще медленнее. Нос чешется. Хочется сморгнуть, перед глазами пленка плывет. С ума я уже сошла, поскольку не ощущаю никаких эффектов от потери давления или

там – космического холода. Первый миг давно отсчитался и улетел в прошлое со скоростью курьерского поезда, время не стало бы тормозить для меня. Хочется вдохнуть, в легких все выгорело, нужна новая порция воздуха. Вдыхаю пустоту. Нелепо, это ж вакуум, его нельзя вдохнуть!

– Пес-уть... Кот-ить... Эш, как ты напугал меня! Я думала, хана Симе. Я думала, что ты грохнул меня, чтобы мумифицировать. Идеальный студент: глаза открыты и вони никакой при должной обработке... Эш, как хорошо быть живой! Упс-с-ить... полкостюма пота. Аж чавкает. Эээ... вдруг это желтый пот?

– Ц-ц! Не понимаю, – испуганно пискнуть Эш, плясая на меня всеми глазами. – Симе, помолчи. Буду думать. Вслух. Вслух! По порядку, надо строго по порядку и вслух-ц. Надо синхронизацию данных делать. Что есть начало? Удар. Мощный. Кольцевой. Я счел агрессией. Не успел бы уклониться, он сам прошел мимо. Я решил: я выжил по причине слабого опыта в прицеливании у нападающей стороны. Ждал второго удара. Страх. Большой страх. Огромный! Решил ударить первым. Использовал очень опасное средство, какое сам в себе развил. Почти неосознанно применил. Попал в цель. Еще в броске осознал, что действую ошибочно и само решение недопустимо. Нельзя убивать из страха. Нельзя вообще. Сожалел, не мог отменить... Ужас-ц. Он больше страха. Вина. Она больше ужаса. Вдруг осознание: ты жива! Удивление. Больше вины.

Я добрела до люка станции и пристроилась на край, свесив ноги наружу. Было потрясающе, головокружительно здорово так сидеть. Кругом куда ни глянь простирается универсум, бархатный и звездчатый. За спиной уютная тьма обжиготого мирка. Рядом Эш, дрожит всем тельцем, прижавшись к боку. Две нас тут, на границе дикого и одомашненного пространства. Мы живы и хоть теперь немного понимаем друг друга.

– Эш, я хочу... пожалуй, я хочу от имени большого универсума, раз поблизости нет уполномоченных кэфов, приветствовать тебя. Это, кажется, важный момент. Мы с тобой из-за ничтожной ошибки начали звездную войну. Мы вели себя, как последние дикари. Но мы пошли на мировую. Значит, мы взрослые, Эш. Даже гении, мы проскочили чертову прорву эпох взросления за минуту.

Я осмотрела рукава костюма и ощупала пленку на лице. Откуда все это взялось? Ау, логика! Ау, встроенный мониторинг систем! Ау все... Тишина. Системы костюма в норме, фиксируют кратковременное нарушение целостности среды жизнеподдержания. Причина негерметичности и метод ее устранения не выявлены. Сима, думай! Можно вслух, как Эш. Увы, мозг не работает, то ли шок его подкосил, то ли праздник жизни утомил.

– Пленка всплыла у тебя с кожи, – продолжил думать вслух Эш, он же гений и у него даже в шоке уцелела способность к логике. – Я видел. Мне было так страшно, что я

очень медленно и подробно наблюдал все. Такое наказание было мне, да-ц? Медленно еще ужаснее. Пленка всплыла. Сразу выключены стали нокры в мозгу. Они сверхнадежные. Устранены в один миг. Невероятно. Пошли в станцию? Надо заесть, очень большие потери нервной энергии.

– Погоди. Пока сидим тут, на краю, важно уговориться. Я не буду у тебя учиться. Прости. Следовало спокойно объяснить сразу. Меня ждут в габе Уги.

– Я бы не стал слушать. Я был... центр мира. Вон там был мой мир, весь там и весь – мой, – Эш похлопал пальцами по корпусу станции. – Как хорошо выйти наружу. Я вроде... родился. Другой.

Меня перло все сильнее, в голове будто факел запалили – смоляной, он жег изнутри, я смаргивала слезинки и шипела от боли. На языке язва – след приема зюя всухую. Сердце колотится, как муха в спичечном коробке. Под черепом пылают идеи, осознать их нет сил, я слепну от самой попытки. Но не могу не смотреть. Не могу...

– Могу! – рявкнула я вслух.

Я не Эш. Кататься и ныть не буду. Я рассмотрю то, что плавит мне мозг и норовит вырваться в явь, чтобы стать осознанным и сказанным.

– Эш... – медленно начала я, хватая ртом воздух и толкая в легкие, откуда он огнем тек с голову. – Эш, нет никакой кнопки. Не может быть её. Древняя раса от молодой отличается не технологией, а ростом личности. Настоящий Эш

так же мало похож на нынешнего, как Сима – на шимпанзе из джунглей. Пока не станет человеком, не научится делать наши глупости. Пока не научится себя бить по рукам и сдерживать, не покинет колыбель. Пока... нет, дальше не знаю, я не доросла. Эш, хватит технического прогресса. Никуда он не приведет. Голову ты тюнинговал. Займись, что ли...

– Спинкой, – тихо и неожиданно подсказал Эш.

Я вздрогнула и сникла, силы иссякли. В голове было черно, жар иссяк, но сажа, вроде, осталась и все закоптила ву-смерть. Жаль, у меня и без нее мозг был не ахти.

– Ц-ц-ц... В спинке у подобных мне ось симметрии и духовный стержень, – строго сказал Эш. – Я изучал себя и думал об активных точках, но счел дело маловажным. Я ошибся.

– У вас, значит, в спинке, у нас вроде в грудке, то есть в сердечке, – согласилась я нелепо воркующим тоном. Потрясла головой и часть сажи с извилин снесло, даже намек на прояснение сознания обозначился. – Пошли трескать личички. Как мне плохо, боженька... Ты же добрый, сбегай за аспирином, а? Ну чего тебе стоит?

– Ты говоришь с... высшим? – еще тише поразился Эш.

– А кто запретит?

– Он отвечает?

– Вот если бы я слышала ответы, – с трудом я встала на ноги и побрела, цепляясь за паутину, – меня бы стоило подлечить. Эш, тебе нужен духовный наставник. Вот до чего я

протрезвела... то есть додумалась. Из древних я знаю только кэфов. То есть их корабли. Ну, еще Зу. Только он не тут. И он как-то не твой случай, вот чую.

– Да, кэфы, – оживился Эш. – Помню. Я помню! – он подпрыгнул и повис, раскачиваясь у меня над головой. – Кэфы. Милые, порывистые, вечно затевают глупости и лезут в запретное. Ох и мороки с ними...

Я с размаху села в паутине и уставилась на Эша, висящего аккурат против моей перекошенной рожи.

– Кэфы тебе – молодая раса?

– Да-ц. Очень молодая.

– Упс... ну ладно, Кит вежливый мальчик и будет терпелив к деду-склеротику.

– Что?

– Ничего, это все шок. Говорю, у Кита есть время, чтобы слушать о колесе и прочем всяком, – кое-как сдерживая хихиканье, пообещала я.

Что еще стоит сказать?

Через сутки – Эш как раз успел изложить мне нечто непостижимо умное о некуююкости времени – до нас добрались спасатели. Первым явился вежливый йорф, незнакомый мне ни в лицо, ни по ощущениям эмпатии. Вторым с разницей в полчаса возник у станции кэф-корабль, я еще сказала, мол – и. о. Кита прибыл. Кэф просиял и согласился, Ио – звучное имя. Третьими вышли из прыжка корабли габ-служ-

бы, аж два сразу. Затем и имперцы подтянулись спасти Симу, оглядели сильно загруженную парковку, приуныли, осознав, что они вне призовой группы.

С Эшем носились, как с короной империи. Во мне ничего драгоценного не обнаружили, «Стрелу» по-быстрому целенаправили на курс, чтобы я не мозолила глаза. Прежде, чем подтвердить старт, я проверила: трасса проложена строго вдоль маяков и габ-пирсов, никакой самодеятельности, никаких больше покорений целины. До цели два прыжка. И, вроде бы, меня все еще не разжаловали из ут-габрехтов. Не успели, наверное?

Фрагмент зашифрованного дневника. Запись 52

Современные нам версии сообществ людей – это разрозненные и широко распростертые по мирозданию ветви древа, единый ствол которого срублен и гниет... Стволом я по-прежнему называю ценностную иерархию. Гуманоиды забыли прошлое, ныне они обладают разными наборами жизненных ориентиров. Специализация каждой «ветви» делает ее неавтономной.

Ориентация на потребление, накопление, комфортна для построения интересных в моем понимании ценностных матриц. Однако в нынешнем универсуме все большее число рас при тотальной сытости переходит в фазу внутреннего осмысления. Часть расы оказывается подавлена, пассивизирована. Интересы активных представителей сообщества искажаются, заужая локальную цивилизацию до специализации в рамках единой (лишь частично гуманоидной) сверхцивилизации универсума.

Параллельно с утратой автономности происходит фактический отказ от устаревших культурных и мотивационных ориентиров. Сверх того, расы расслаиваются, делятся на ортодоксов (чаще пополняющих пассив) и новаторов. Даже инсекты, негуманоидные по природе, не миновали указанного этапа и утратили часть исходных усто-

ев. Так, их рюкл законников, по некоторым данным, нарушает собою прежние границы дозволенного и является гибридным по неустановленным нам параметрам. Уточнение: я не знаю доподлинно смысла понятия гибридность в указанном контексте.

Итак, узкоспециализированные творцы новой формации все дальше дрейфуют от собственного «человеческого» прошлого. Взаимодополняя другие элементы сверхцивилизации, каждое сообщество встраивается в общую систему. Как управлять мотивациями в указанном случае?

Будучи по складу ума – а я оцениваю себя беспристрастно – представителем предыдущей формации и находя такое общество наилучшим, я затрудняюсь дать ответ. Но без ответов я рискую оказаться в прошлом и проиграть. Это недопустимо».

История четвертая. Симпатия

Катер бесшумно скользнул в причальный створ. Мигнул огнями и замер. Саид чуть дернул уголки губ вверх: мол, понимаю тебя, приятель, здесь ты – дома. Ты ведь имперский по рождению, то есть по верфи постройки.

Улыбка иссякла сама собой. Вне катера было слишком тихо. Исключительно спокойно даже, и вдобавок по коже головы снова и снова пробежала щекотка. Игль как-то раз намекал на разработку для блокирования телепатов, посетовал, что у людей она слабовата, а вот дрюккели продвинулись куда дальше. Сам Огга работал над темой. И даже опробовал ее на Игле, случай представился. Впечатления были – жуткие. От сознания одни обломки, вопреки солидной тренировке рассудок «заглох» практически мгновенно. Тогда Игль говорил и косился с подозрением – ведь читаешь, что я нашел обход их ловушки. Знаю, читаешь, так уж не передавай то, что узнал. Или дай свое мнение, или еще лучше, согласишься встретиться с Оггой, он давно того желает, а я бы – посредником. В своей насущной полезности Игль не сомневался. Он, кажется, вообще полагал, что без него универсум прекратит развиваться. Знал, что перебирает – и с должной самоиронией не менял замысла. К Огге не пройти иначе, как на крейсере, Огга редко покидает срединные области галактики Дрюккль. Но если нагряться в один сверхдлинный пры-

жок и при должном предварительном согласовании...

Сейчас Игля рядом нет. Кто-то другой, вероятно, член корпуса тэев, включил режим глушения. Счесть действие враждебным или же паническим?

Саид повел бровью. Чего уж, Игль был честен: никуда не годная технология. Сознание подстроилось и почти не ощущает помех, читая зону вне катера. Там люди. Им страшно, прямо всерьез. Есть один негуманоид. Смазанное и смутно знакомое эхо мыслей, но навскидку указать расу не получается. Еще имеется тщательно экранированное сознание. Кто-то не верит в технологии и дополняет их личным щитом очень и очень достойного уровня. Или человека прикрывают извне?

– Гав, ты хоть раз гостил в раю? – спросил приятеля Саид. – Нет... И я тоже. Видишь, как у них строго. Взвесят наши души и сочтут тяжелыми, тогда что делать? Симка бы посоветовала скоблить нагар грехов наждачкой... Интересно, что это значит? Я слова запомнил, а смысл не просмотрел.

Продолжая бормотать, Саид покосился на пассажирку. Яхгль оставалась каменно неподвижна. На лбу наметились бисеринки пота. Или шок понемногу ее отпускает, или скоро станет еще хуже. Теоретически доу имеет возможность однозначно отвечать на вопросы о самочувствии любого живого и тем более разумного существа, к тому же гуманоидного... Но практика успешно опровергает аксиому. Шок у Яхгль так глубок и специфичен, что воспринимается она созна-

нием еле-еле. Ближайшая аналогия не дает повода к оптимизму. Позавчерашней несвежести труп создал бы похожий шлейф гаснущих эмоций и реакций...

– Гав? – насторожился Саид.

– Mr-ряу, – ободрил морф и потерся шеей о пальцы идянки.

– Ну, если ты уверен, – смутился Саид, против воли принохиваясь.

Ни трупного запаха, ни пота, ни парфюма... Глушилка не уняла телепатию, но невесть с чего отключила обоняние. Зато слух в порядке: по обшивке люка снаружи врезали, весь катер загудел. Идянка не вздрогнула. Гав взвился под потолок и возмущенно изобразил всей шкурой ежика. Саид передернул плечами и встал, без спешки принял у катера финальный отчет по полету. Подгрузил свои комментарии. От руки внес в отчет пометку по состоянию здоровья пассажирки. Еще раз изучил результат и внедрил данные идентификации пилота. Люк за это время трижды таранили, судя по звуку – головой мурвра или хвостом трипса... Хотя в имперских официальных системах очень мало представителей негуманоидов. Здесь мир людей.

– Нервные попались ангелы, а, Гав? – усмехнулся Саид и прошел к люку.

На пирсе было тесно от встречающих: подразделение охраны из двух десятков тяжело вооруженных людей, за их спинами три сотрудника службы контроля миграции, все

при оружии.

В стороне от агрессивной толпы полудрема сафар в форме габ-службы. Он чуть покачивался, подобрав одну птичью лапу и кивая длинной изящной шеей в такт общему гаму и грохоту. В тени, дальше всех от люка, занял место человек в штатском. По полированной непроницаемости экрана его сознания с первого касания внятно: именно он принимает решения, прочие лишь выеживаются, паникуют или наблюдают – как сафар.

– Готовимся к полной идентификации, – процедил ближний чиновник, серо-зеленый от злости. Вернее, от страха и сомнений, маскируемых под более выгодную в понимании данного человека эмоцию. Двигаться к люку мимо охраны чиновник не желал, но был обязан. – Руки вперед!

– Не надо так усердно думать стихи, тем более петь марши, – укорил его Саид и опустил запястье в сферу идентификации. – Могу заверить, ваше мнение о телепатах меня не интересует. Еще меньше мне важны те сбои систем, которые пришлось на ваше дежурство. А уж... Так, вас настораживает Яхгль? Не понимаю.

Сафар опустил лапу, переступил и распушил хохолок на затылке – обозначил намерение высказаться.

– В качестве сотрудника габ-сист-темы намерен проследить за соблюдением прав неграждан империи на ее территории, – с прищелкивающим акцентом выговорил сафар. – Идяне, о чем вы можете не знать, гость, делаются

на два вида. Так называемые изгои расы могут быть причислены к высокому классу опасности, вплоть до юсс. Прошу считать в моем сознании инструкцию по опознанию угрозы. Прошу содействовать, показания доу будут для габ-службы достаточным основанием к принятию решения.

То, что было отдано Саиду в форме готового алгоритма опознания, само отработало и выдало отклик. Отрицательный – это без слов уловил представитель тэй корпуса, экран его сознания чуть мигнул. Сразу погасло «глушение», донимавшее, как мысленная щекотка.

– Она определенно не юсс, – вслух подтвердил вероятный тэй. Он позволил себе обозначить улыбку. – В таком случае, перейдем к следующему этапу протокола.

Саид кивнул. Очень хотелось зажмуриться и встряхнуться, а то и ущипнуть себя.

Все выглядело бредом и дикой, чудовищной нелепицей... Высокий чин тэй корпуса не улыбался – он лишь расслаблял мышцы лица, прежде сведенные судорогой напряжения. Кем считали идянку, если ее боялись до оцепенения? Данные справочника не предполагали подобной реакции... Вымирающая раса, одна звезда с парой планет основного поселения и несколько полупустых колоний. Рождаемость ниже смертности. Никаких достижений в науке и славных деяний в сфере межрасового сотрудничества, равно нет и темных историй или же кошмарных преступлений.

– Сведения неполны, – признал тэй-сотрудник, понимая, отчего Саид замер и моргает. – Не тратьте время на пролистывание архивов. Это закрытая информация. Когда вы получили допуск на посещение планеты, мы еще не оценили сполна идентификационных данных по пассажирке. Империя не принимает идян, такова неофициальная инструкция. Ни в одном из своих миров. Но, возможно, в данном случае визит может быть обоюдно выгоден вам и нам. Предлагаю формально не нарушать правил. Мы не позволим вашей спутнице сделать ни одного шага по нашей территории. Это все, за чем лично я намерен проследить.

– Ни одного шага, – улыбнулся Саид. – Может, я не испытую восторга от стиля работы сотрудников тэй корпуса. Но ваша исключительная гибкость мышления достойна уважения.

– Еще одно условие. Если возможно, прошу дать разрешение на контроль вашего сознания. Обширное поле, внешний слой. Допускаю обоюдность вмешательства, синхронизацию по приему и обработке. Мой уровень способностей весьма средний, но достаточный, чтобы не выгореть при контакте и не создать осложнений.

– Отчего бы и нет, – покривился Саид. – Хотя мы намеревались приватно побеседовать с Альгом. Пожалуй, это была нелепая идея, я едва знаю его...

– Мы бы тоже очень хотели побеседовать с ним, – скривился, повторяя гримасу Саида, синхронизирующийся с его

сознанием телепат корпуса. Сейчас уже читалось имя. – Да, можете звать меня Золь. Несклоняемое, это особенность имен срединной империи, но в целом как вам удобнее, я не педант. Нет, мы не сопланетники с Иглем и даже системы не входят в одно созвездие. Срединная империя – понятие условное. Так... она в шоке и по сути не может ходить? Коллега, ситуация патовая. Как нам поднять из шока один полутруп, имея в распоряжении второй... гм... подобный?

Золь непринужденно болтал, старался вслух проговаривать значимую часть сведений. По крайней мере, достаточную, чтобы беседа казалась насыщенной. Сафар сложил хохолок, прощально махнул легкой своей рукой, всегда подобной в движении крылу – и удалился. Охрана с оружием расступилась и осталась на посту, с каменными лицами и белыми от напряжения костяшками пальцев.

– Вы не имеете права их сюда... – зашипел чиновник, который все тянул и тянул с идентификацией.

– Имею, конечно же, – вздохнул Золь. – Да, постарайтесь добыть шаль или юбку. Длинную. Очень длинную. Немедленно. Затем позволяю удалиться и всю ответственность взвалить на меня. – Золь хмыкнул, наблюдая, как нехотя отходят вооруженные люди, прикрывая друг друга и не поворачиваясь спиной. – Коллега, вы лишили их первого за двадцать циклов шанса повоевать. Такое не прощают. На вашем месте я не стал бы затягивать с отлетом. Позвольте любопытство, неужели глушение в вашем восприятии только... ще-

котка?

– Увы.

– Увы. Это огорчит разработчиков.

На пирс примчался габарит – вернее тэйрит, поправил себя Саид. Первая часть понятия идентифицирует принадлежность, вторая указывает на конструктивный тип. У этого небелкового организма малознакомые, но весьма изящные очертания корпуса. Он расторопен и инициативен: уже доставил десяток юбок и шалей. Гав обвил хвостом добычу и умчался в катер. Саид немного подождал, вслушиваясь. Прошел в рубку и помог морфу натянуть на идянку юбку, усердно замотал девушку в две шали. Осмотрел шелковистый кокон, мало похожий на человека. Бережно поднял на руки понес к люку.

– Ни шага по территории империи, – строго напомнил Золь. Отвернулся и направился прочь по одному из коридоров. – Прошу. Мы не такие уж злодеи, вас ждет превосходный обед... если пожелаете откусать. Габ-служба любезно одолжила корпусу помещение. Там можно ходить. Всем. Но убедительно прошу на первом этапе контакта следовать моим пожеланиям. Мысленным. Хот бы их выслушать. Если возможно, синхронизируйте с собой эту... гостью. Полагаю, вы получите интереснейший опыт.

– И вы тоже.

– О, иначе зачем я так усердно закрываю глаза на одни правила и обхожу по краю пропасти другие?

Саид чуть сместил руку, дотронулся до виска идянки и начал осторожно сливать сознания. Он был благодарен болтливому тэю. Золь внешне производил впечатление рыхлого, несколько нелепого и довольно рассеянного существа. Но инструкции в прямом контакте давал идеально внятно и бережно. Без его участия слить сознания не получилось бы – своего опыта у Саида просто не было. Собственно, именно за таким советом он и летел к Альгу. Дружественное взаимопроникновение сознаний помогает преодолеть перегрузку. Оно подобно опоре для изможденного: не могу и не хочу жить, но другие хотят и могут. Через них перемогая шок, привыкаю к неизбежности... так Саид думал для Яхгль. И она дышала ровнее. Смотрела из-под ресниц в спину тэя. Моргала, сгоняя слезинки. Прикусывала до боли губу. Искала Гава – того единственного, кого сразу сочла другом.

От слитности сознаний все сильнее кружилась голова. Идянка была человеком, но читалась как совершенно негуманоидное, чуждое существо. Она видела мир по-своему. Золь для ее взгляда делался контуром тела, окруженным многими полупрозрачными, изменчивыми слоями и вуалями. Внутри контура тоже было все не просто. Идянка частично видела человека в одежде. Частично – его же изнутри, как организм, создающий множество связей и влияний. Саида идянка тоже ощущала двояко. Гав для нее был самым ярким в группе – и отрадой души... Он окутывал Яхгль со-

страданием и делился теплом, она ответно открывалась ему. От прочих девушка хорошего не ждала.

– Внимание, – сказал Золь. Провел в воздухе черту. – Отсюда начинается нейтральная территория. Прошу исполнить мое пожелание.

Следуя невысказанному, Саид перешагнул черту и двинулся по полутемному помещению очень тихо, крадучись. Добрался до кресла, ориентируясь по подсказкам Золя. Сел, устроил удобнее Яхгль и стал смотреть.

В соседнем помещении, за полупрозрачной шторой, было много света. Там, на террасе над морем, располагался большой стол. Четверо сидели и трое из них – обедали. Золотое полуденное солнце изливало благодать в местный рай – но не могло ни согреть людей, ни избавить от забот... Теплепат уровня, близкого к доу, ощущал троих за столом пустыми просто потому, что они неинтересны в его понимании. Всего лишь равнодушные двуногие автоматы для поглощения пищи и развлечений. Их мысли малоподвижны, лица фальшиво спокойны, эмоции мелочны.

Яхгль видела куда более занятное. Все трое для нее были плотно обтянуты внешними вуалями, распределенными за контур тела на очень небольшое расстояние. Преобладающие оттенки – тусклые, с проблесками рыжего, алого и зеленоватого. Контуры темными пуповинами соединены с четвертым телом. Его Саид узнал не сразу, эр тэй Алыг казался много старше себя же, памятного по прежней встрече. Изме-

нилось и лицо – вероятно, Альг отказался от принятой в корпусе унификации внешности. Нынешний обитатель рая был светловолос, худ до костлявости. Он оставался в сидячем положении, фиксированный медицинским креслом. Он питался раствором, вводимым напрямую, что не вредило аппетиту остальных на балконе: эти обедали, будто не замечая, что рядом есть еще один человек. Что этот человек при смерти!

Яхгль скрипнула зубами и пробормотала невнятное слово. Теперь ее внимание сосредоточилось именно на Альге. Темный контур, много искажений внутри – и жалкие, рваные остатки вуалей снаружи. Синевато-золотые, ветшающие, как ткань – три пуповины жадно тянут последние крохи цвета и света на себя.

– Хорошо, я... сделаю, – то ли сказала, то ли подумала Яхгль. И добавила без слов, но куда жестче. – *Пусть эти уйдут. Совсем!*

– *Охотно*, – отозвался Золь. Он вышел на балкон и позволили себе влиять на людей, хотя для телепата со средними способностями это более чем непросто. Золь выражал отвращение без слов и позволял прочесть такое отношение каждому на веранде. – Вам не рады. Прошу немедленно удалиться.

– Да пусть хоть сам ри тэй просит, – рассмеялась женщина, сидящая по правую руку от полутрупа. – Приказать и он не в праве. Я остаюсь.

– Справочная, я намерен уточнить статус гостей, – продолжил Золь прежним тоном сонного, тягучего отвраще-

ния. – Пассив, полагаю?

– Что? – насторожилась женщина.

– Ах, под сомнением, в рассмотрении статус неграждан, – считал Золь без спешки. – Случается и такое, прискорбно. Корпус добавит свои выводы и я, будучи телепатом и обладая правом корректировать оценки на основе личного опыта...

– Мы уходим. – Бросила женщина. Повернулась к Золю, вставая и нависая над столом. – Чтоб ты сдох, выродок с мозгами наружу! Ненавижу ваш корпус. Уроды и ублюдки. Вы и его сделали таким же. Вы и нас отравили. Вы...

Женщина выдохнула, острее ощутив влияние. Она сбросила это ощущение, стряхнула с рук, как влагу. Отвернулась и заскользила прочь, чуть вызываяще покачивая бедрами. Очень красивое, удачно упакованное тело, – отметил Саид с брезгливостью. Длинные ноги безупречной формы, высокая грудь, ни единой морщинки на коже – хотя это явно не девочка по возрасту. Для телепата существо уродливо. Слоится, кажет вместо холеного лица новые и новые рожи – страха, жадности, презрения... Десятки, сотни харь.

– Симочка, почему только у тебя я видел одно лицо, настоящее? – затосковал Саид.

Шевельнулась и попробовала встать Яхгль. Пришлось ее поддержать: ноги с неправильными коленями подкашивались.

Идянка переупрямила тело, без жалости закусывая губу и моргая от боли. Она все смотрела и смотрела на полумерт-

вое тело – тусклое, сохранившее сполохи жизни лишь внутри контура. Левая ладонь начала плавное движение, черпая жар солнца где-то возле пупка. Пронесла выше и уравнивала шар на уровне груди второй ладонью-лодочкой. Саид держал идянку под спину, слепо моргал, принимая мир чужим зрением. Там солнце было много ярче и живее. Там золото копилось меж ладоней, постепенно разводимых все шире. Наконец, рукотворное светило медленно поплыло вперед, сквозь занавесь – на балкон. Окутало тело Альга, выдра-ло из медицинского кресла в стоячее положение. Обтянутый кожей скелет едва мог держаться на бессильных ногах. Он уподобился тряпичной кукле, послушной внешней воле. Он вряд ли сознавал, что движется не во сне, а наяву, и уж точно, осознав, немедленно упал бы...

– *Уходи.* – Толкнул Саида приказ.

– Как же ты...

– *Уходи!*

Приказ дополнился болезненным ударом, пришелся в бок и отшвырнул от кресла, к двери, которой сам Саид мгновении назад и не замечал! Не рассуждая и не задерживаясь, он навалился на дверь. Вдохнул теплый соленый воздух – и провалился в обморок...

– Проверка систем, – бормотал над ухом Золь. – Так, пилот уже в сознании. Сладко для человека с моим жалким уровнем хоть на миг ощутить себя лучшим в сравнении

с доу. Примите мое уважение, Саид. Я был с вами синхронен и предрекаю вам уровень доу. Полноценный. Не думаю, что это счастье или же успех, но это – судьба... Если вам как телепату потребуется разгрузка, имейте в виду, я всегда готов принять тяжесть. Не важно, посильную ли. Я обязан Альгу жизнью. Он теперь тоже обязан... вам двоим. Курс задан. Мы нарушили слишком много правил, я полагаю лучшим для вас немедленный затяжной прыжок. Я снял блокировки по дальности. Это катер нашей постройки, ограниченная серия. Отныне вы знаете, что именно повышает его ценность помимо приятной формы и встроенного высокого машинного интеллекта... Саид, очень прошу после того, как очнетесь на финише, рассмотрите с вниманием совет: не посещайте империю до завершения разбирательства. Даже если вас вызовут экстренно. Даже по сигналу бедствия. Яхгль в нашей классификации – симпат сильного активного типа. Реализация любых форм симпатии вне орбиты ее родного мира недопустима с точки зрения империи по ряду причин, главными лично я назвал бы предрассудки и печальный опыт прошлых тестов. Яхгль наверняка еще расскажет то, что сочтет нужным. И... благодарю вас.

Перед носом, заслоняя обзор, топтался обеспокоенный Гав. Кресло не позволяло двигаться, приняв команду к экстренному старту. Краем глаза Саид отметил движение, затем успел запросить время и осознать: из жизни пропало пол-суток! Было отвратительно и непривычно ощущать себя един-

ственным на борту существом, для которого все происходящее сплошная загадка. Удивиться или возмутиться не удалось. Катер прыгнул, сминая пространство, угнетая рассудок...

Фрагмент шифрованного дневника. Запись 54

«На этапе монопланетарной культуры практически все, кого я готов отнести к истинным людям, моделировали контакт с иными формами жизни на базисе математики и логики. Анализ масс-культуры монопланетного периода дает «изнанку» черепной коробки управленца и управляемого, где подлинно универсальным базисом для контакта цивилизация-зародыши полагает экономику. Примечание: я упрощаю понятия, абстрактизирую идею. Торговля происходит на основе эквивалента ценности, отделяемого от продукта и далее существующего самостоятельно. Структурируется, ширится сеть каналов распространения как продуктов и ценностей, так и влияния. Через торговлю, конкуренцию (в том числе с применением прямой агрессии вплоть до военной) идет интеграция в глобальную систему и определение роли в ней – лидер, аутсайдер, датируемый и зависимый, присоединенный и так далее.

Шок контакта состоял не в чуждости облика или метаболизма, но в тотальном неприятии «гостями» экономики «человеческого» типа, а равно парадигмы «лидер-аутсайдер».

В речи губров нет термина «ценность», а что такое эквивалент ценности, им не удалось объяснить до сих пор. Од-

нако неизменно губры оказывают помощь по запросу и принимают по потребности. Затраты сил на оказание помощи с любой стороны не волнуют губров и не могут ими быть оценены.

Сафары и брыги, будучи бинарной цивилизацией, весьма схожей с людьми в плане работы мозга и типа логики, не способны принять идею гостеприимства в обмен на оплату, хотя именно они кормят и тем более поят население универсума, будучи несравненными мастерами составления и адаптации продуктов ко вкусовым и метаболическим потребностям любых рас, в том числе небелковых и неприродных.

Сафары, сами того не сознавая, монополизировали нишу питания и досуга, вытеснив из не девять десятых иных рас. Между тем, они ведут «торговлю» под непостижимым людям девизом «да не иссякнут кладези сафы», в самом общем виде означающем, что отданное неизбежно вернется к подателю... Иногда сафары соглашались под давлением ввести так называемое в габ-терминологии «общее правило прямого возмещения», то есть компенсации энергозатрат на доставку, хранение и приготовление пищи в условиях внепланетарного проживания, где контролируется расход (восстановление) основных окислителей и видов энергии. Но разве указанное правило схоже с понятием торговли?

Пыры, наилучшие пилоты и специалисты по кризисному управлению, постоянно работают с чрезвычайными ситуа-

циями. Ни разу их сообщество не предъявляли «счет» к тем, кого спасают. Как будто это – норма!

Хрясы, систематики до мозга кости, полагают процесс доставки продукта по назначению идеей религиозно-мистической, что исключает обсуждение понятий «цена», «качество» или класс обслуживания. Эти прямолинейные и твердолобые во всех смыслах субъекты берут энергию и ресурсы оттуда, где находят, полагая изъятие правом адептов «пути несущих ханнх в бесконечность».

Наконец, идяне, лишившие смысла развитие (ведь они и есть венец такого развития!) психокоррекции как отрасли медицины, не способны осознать обязательность работы с каждым пациентом, приоритетности гостей. Они проводят немислимые в любой иной клинике вселенной настройки только в отношении тех, кого полагают годными. Указанное понятие не имеет эквивалента в окислителе, энергии или иных условно-общих ценностях.

Из сказанного следует полный и неотвратимый крах того, что долгие тысячелетия было основой цивилизации людей и все еще пронизывает ее ментальный «геном». Лишаются притягательности стимулы, исчезает понятие дохода, сам смысл наследования размывается...

Люди впитывают чуждые, отравляющие их абстрактные идеи. Люди прекращают отзываться на привычные раздражители, не отвечают интересом на мотивацию, не понимают сути своей же истории! Люди в плане осо-

знания ценностей деградируют к пещерной дикости! Они тратят жизнь на совершение открытий, не понимая смысла патентной защиты. Они создают шедевры искусства и охотно отдают их в копирование. Они встраиваются в сторонние цивилизационные модели и приживаются там, теряя связь с человечеством.

История пятая. Пусто, как в габе

Ба-бам! Мы вышли из прыжка целыми и невредимыми, Сима ее корабль. Пока навигатором была Гюль, я вообще не понимала, зачем опасаться перелетов. Я и теперь не боюсь их, я боюсь себя. Это как обезьяна и граната: по отдельности безопасны. Но соединенные рукопожатием могут кого угодно довести. Хорошо хоть, на корабле я одна.

Открываю левый глаз. Если сейчас не обнаружится рядом родной габ Уги, я не расстроюсь. Ну, просто соберу вещи и пообещаю честно отбыть на Землю. Какой из меня габрехт? Вооруженная знанием инструкций, организованная и вежливая Сима – это слишком. Выгонят, пообещаю лететь прямиком домой и сразу рвану в Грибовидную туманность, изучать в естественной среде обитания разнородных асоциалов – на предмет терпимости ко мне, атипичной. Может, так получится очистить от них небольшой сектор пространства... или большой? Я лыщу себе. Я почти гений атипизма.

– Уги-ить! – улыбаясь все шире, я издала боевой клич, одновременно выбрав приватный канал габрала Рыга. – Рыг, я не сильно опоздала? Прием! Наш святой габмургер еще не точит на меня клюв? Рыг, отзовись, это правда Сима, я не потерялась, не надеюсь...

Габ прямо по курсу. Родной дом! Я не промазала, навигатствуя. Сама! Сейчас срочно сфоткаю габ из пространства

и метну письмо Гюль. Похвалиться надо. Я попала не в историю, а куда летела. Со второй попытки, но – попала!

– Уги-уть, – тихо выдохнула я, повозившись с системами связи.

Вообще-то, если бы все работало, я бы даже удивилась. Связи нет. Катер тих и темен, как родной подъезд в день бухающего энергетика. Летим по инерции, тяговые в отруб: это штатно, судя по отчету, «Стрела» шла на автопилоте, и когда она не получила приемного сигнала, сразу притормозила во избежание недоразумений. Переходим на ручное. Запрашиваем посадку – а нам в ответ даже не щелкают августовскими кузнечиками помехи... Что за фигня? Интересно, если Сима, атипичная, как секретный штамм вируса, скромно отгребет от габа подальше, связь заработает? Похоже, я притягиваю проблемы по принципу громоотвода. Который нифига не способен уловить гром, попавший в его название, зато весь истыкан молоньями... Если так, то Сима не эмпат, а бедовод... трабловывод? Слово я придумаю, если мне дать время. Но лучше бы мне дали канала связи. Меняю настройки, брожу по всем диапазонам.

Во избежание паники и скуки сверяюсь с инструкцией. Согласно ей, наблюдаю габ, визуально оцениваю отклонения от нормы, усердно вспоминая, что же есть норма. Причальные порты левого крыла пусты, правые загружены крайне слабо и только малыми яхтами. Это значит, у нас какой-то карантин, рейсовые корабли оповещены и прыгают

мимо. Штатные работы? Сверяемся с данными справочника, встроенного в Симу и не поддающегося отключениям извне и, увы, изнутри тоже. Ага: раз в двадцать-тридцать циклов каждый габ на линии глоп-разлома проходит перезагрузку. График процедур плавающий и обычно совмещается решением габмурга с прогнозом по глоп-фактору. Последний так и так нарушает движение на трасах, отчего бы не использовать передышку с толком... Смотрим, что есть по глоп-обстановке, «Стрела» умет замерять параметры волнения пространства. Возмущение в наличии, уровень выше среднего и нарастает.

Делаем вывод: Симу и ее «Стрелу» в упор не видят, потому что не ждут. Кроме меня, ни у кого нет проблем с прокладкой маршрута, все оповещены и штатно огибают Уги. А я опоздала, и вот – на ручном ползу к свободному служебному причалу.

Взрослый универсум устроен мудро. Если не нарушать правил и жить на главных улицах цивилизованности, можно благоденствовать неустанно. Так делают обитатели многих миров, они сыты, сонны и никуда не летают, в империи их числят пассивом. Актив – те, кто движется по улицам и магистралям большого пространства. Оптимальное соотношение пассива и актива четко просчитано и корректируется подразделениями стат-корпуса империи, почти столь же уважаемого, как тэй корпус, но более массового. Именно ученые статов установили: рост актива свыше некой доли мак-

симум создает угрозу экспансии, вплоть до военной. Рост пассива приводит к общей цивилизационной стагнации. Методы влияния статов для балансирования ситуации оставим за скобками. Я не живу в империи и это – неизменно.

К чему я вела мысль? Ах, да – магистрали и обочины универсума. В общем-то все просто. Не лезьте, куда не надо – и беды сами не нагрянут к вам в гости. Но если вы свернули с магистрали и вперлись в темное пространство глухой космо-подворотни, лежащее вне интересов взрослых цивилизаций... то рассчитывайте на себя. И помните, незнание размеров и угроз вселенной не избавляет от их наличия. Пыры сознательно живут на целине, ее цивилизуют, вычищают до кристальной прозрачности – и отдают слабакам. Это их выбор. Скоро, через две-три доли цикла, пыры выставят под заселение бывший «гнилой мешок», зону пространства с кучей опасных аномалий, ныне обезвреженную. Ритуально подерутся с кем-то из молодых трипсов на празднике и переместятся на новый участок темных территорий. Говорят, сафары зазывают их к себе, историю с пожирателями душ Павр рассказывал мне не раз, но я слушала невнимательно. А вот Бмыг – он сразу попросил выслать подробности и обещал передать, кому следует. Может, часть расы пыров теперь обоснуется гораздо ближе к нашему Уги? Хорошо бы.

Уф, я почти причалила. Саидка на ручном водит катер, не отвлекаясь на изучение данных и не глядя в экраны до ломоты глаз. Это я потею. И техника у меня всегда с коцками...

Дома рыжий автомобильчик вечно был индейцем – полосками, вроде как в боевой раскраске.

Лязгнуло. Скрипнуло. Затихло... Я на месте. Точно на месте, «Стрела» закрепилась к стыковочному узлу. Сейчас сбегая, найду габарита Васю и попрошу замазать поаккуратнее царапины на борту. Вася добрый и все сделает. Не хватало еще, чтобы за эти царапины меня и уволили. Глупо.

– Стажировка сделала тебя клушей, ну что ты крыльями хлопаешь и тупишь? – признала я. Вздохнула и шепотом добавила: – не люблю экзамены.

Нервы не пожелали униматься. Гос-споди, да у меня руки дрожат. Или я поглупела до крайности, или дело плохо. Не для меня. Для габа. Я атипичник, чую направленный негатив. Слабее, чем Билли, мой сопланетник, но все же. Пора прекращать тупо хлопать ладонями по подлокотникам.

Что делать, если нет вводных, не укажет ни одна инструкция. Хотя вот же – *«при остром подозрении в неадекватном восприятии габа в целом и молчании его систем связи следует отойти на один короткий прыжок, убедиться в восстановлении возможности передачи и экстренно связаться с габ-центром»*.

Ага, щас. Пока прыгну, пока свяжусь – тут будет поздно решать проблемы. Чую, все именно так. Значит, буду нарушать. Меня наверняка уже одарили последним порицанием. Заочно.

– Расписание аварийное, версия три-семь, – строго гово-

рю «Стреле».

Не отзывается, зараза. Ума в ней много, души – ноль. Ладно, хоть бы выполняла указания. Сейчас их надиктую, солью в компактный архивчик и внедрю данные о себе, которые вместо подписи. Заполню поля строгой отчетности. Везде они есть и везде найдутся те, кто будет их благоговейно считывать в первую очередь... Подтверждаю расписание три-семь. Все, еще раз соглашаюсь на неотменяемость задачи до ее завершения. Прошел отсчет, у меня минута до запуска протокола. Без спешки выбираюсь к люку, он начинает открываться, я глупо принимаю: что у нас в габе за зараза витает? Свежий воздух, хотя сказанное не имеет смысла по определению, габ – пространство универсального типа, где жилая среда формируется индивидуально, служебным костюмом или пассажирским идентификатором, у кого что.

Так, люк нараспашку. На пирсе встречающие. Дело точно – труба. Никого не узнаю в лицо. Все вроде бы люди. Эмоций ноль, тренированность сверх меры, от нее аж складки на затылке – может, извилины наружу выперло? Форма у парней наша, габ-службы. У крайнего слева нагрудный знак габрала. Только похожего габрала я в Уги точно нет, а я знаю местных сослуживцев Рыга, все они меня били, любя. По-отечески.

– Ут-габрехт Серафима Жук, – голосом киборга вещает габрал.

– Я! – выкатываю глаза и ем ими начальство, без ложки.

– Вы опоздали. Вы лишаетесь права ношения формы. Одна доля суток на разоблачение и переодевание. Затем вам следует явиться на уровень семь служебный для дисциплинарного разбирательства.

– Есть! – и ем глазами глубже, вгрызаюсь аж до его складчатого затылка.

Парень хоть и киборг по роже судя, но такой... сбойной малость. На тупую солдафонскую лесть ведется по-детски. Наблюдает марширующую Симу, гордый собою. О – отрядил мне двух идиотов сопровождения. Это называется конвой и подобного у нас в Уги отродясь не было. Ничего, пока чеканю шаг и думаю. Почему надо лишить меня формы? Потому что костюм дает приличную защиту, в том числе возможность выхода за пределы габа. Не высокая защита, но все же. Думаю дальше и наблюдаю. В габе пусто. Никто не попался навстречу, а обычно в этих коридорах хотя бы слышны звуки голосов. Сейчас лишь эхо шагов конвоя. Двое у меня за спиной двигаются исключительно синхронно. Зуб даю, не люди они, а какие-то сервисные клони или киборги... Хотя термин земной, тут киборгов почти нет, вращивание мозга при замещении природного тела – под строгим ограничением. Говорят, жестоко страдает психика.

Вывод номер раз: эти ребята могут быть мною расценены, как неодушевленные. Наверняка так. А если я ошиблась, мне же отвечать, инструкции я читала еще по дороге на Баг-

риф. Эх, Саидка, отослала я вас с морфом взрослеть. А вы бы мнегодились...

Каюта. Конвой замер у двери и пялится на меня.

– Я быстро, мальчики, – говорю им заискивающим тоном.

Спорим, каюту прошмонали? Если я выиграю этот спор, то уже и не знаю, кто мне отдаст выигрыш. Имущество и жилье габ-служащих не подвергается досмотру без санкции аппарата габариуса. Чаппа бы дал мне знать о подобном своем решении. Он хоть и дрюккель, но мужик что надо.

Очень ровно висит картинка над кроватью. Сверхаккуратно застелена сама койка.

– Как голова болит, – громко жалуюсь себе и наблюдателям, выговаривая нужные слова в верном порядке.

У Симы паранойя. Сима верит, что ее не только стерегут, но и прослушивают. И просматривают. Вон из того угла, если не врет эмпатия, воткнувшая спицу в затылок.

– Где мой чертов аспирин? – бормочу и ползаю по полу. – Когда я научусь убирать вещи... Гос-споди, меня там ждут для препарирования, а я тут не могу найти личную аптечку. Аспирин вспомнила. Еще бы валерьянки попросила у габаритов. Опять начнутся анекдоты про интеллект, гражданка Жук, а тебе оно надо?

Имитатор активности на месте. Эту дрянь мне в каюту установил Билли. Когда год назад меня пробовали прикончить, чтобы подвести под расследование интмайра Олера, я выжила благодаря Саидке. Ну, а чуть позже примчался Бил-

ли и устроил в Уги настоящие военные учения НАТО, так он сказал. Я ползала, тыкала в новоустановленные кнопки, дышала и не дышала по команде. Ужас. После десяти дней «бури в габе» явился еще и Игль, сладким тоном нечистого предложил мне и Билли стать напарниками. Ну, мы послали тэя на два голоса. Билли сказал, что женщин-напарников не бывает в природе. Я добавила, что не намерена учить Билли русскому матерному, а его английский за десять дней иссяк.

Все, отползаю к стеночке и почти не дышу. Имитатор работает, кстати. Сценарий два, версия «аспирин»: Сима, трехмерная и очень на меня похожая, стенает, ищет аспирин и тычется макушкой в кровать. Встает, озирается, снова стенает. Ложится на кровать, ворочается. Ее тошнит. Она бредет на кухню, мочит тряпку и кладет на лоб. Этот сценарий истеричной головной боли прописана заранее, длительность – час. Имитатор продвинутый, вносит коррективы в модель, оценив после кодовой фразы мою нынешнюю внешность – длину волос, хриплость голоса и прочее разное.

Так, меня экранировало, можно двигаться, лишь бы без рывков. Ползу. Вот мой автономный архив сообщений, он же автоответчик в переводе на землянский... Почитаем. Чаппа советует не получать порицаний – это давняя запись, я только улетела на Багриф. Гюль отчитывается после моего отлета с Багрифа: состояние Саидки стабильное, все у него хорошо, только он сбежал от докторов. Молодец. Так их, козлогадов!

Рыг обновляет график тренировок... Павр шлет эскиз интерьера – его интересует мнение гуманоида о зале для приема горячительных напитков, имитирующем старину... Тьюить строго предупреждает о недопустимости выдачи окислителя габаритам, они же не сотрудники и по идее не должны делать закупок.

Вздыхаю. Увы, все не то, сообщения отправлены до начала проблем. Есть, кстати, занятное: незнакомый мне Ранфан, раса не указана, просит о встрече, нуждается в услугах эмпата. Автоматика ему назначила на вчерашний вечер, как он и хотел.

Так, вот начало странностей, общее оповещение о высоком уровне опасности... Отменено через пять минут, заявленная причина: сбой системы. У нас хоть и не планета, но в целом габ придерживается осредненного времени, а я упрямо веду в каюте земной учет, на всех моих часах циферблаты с двумя полукругами по двенадцать делений – ночной и дневной. Так удобнее не запутаться, здесь нет закатов и рассветов. Просто условной ночью приглушают свет и стараются сократить число рейсов в обработке.

Когда был сбой, если это сбой? В одиннадцать. То есть через полчаса после того, как наш габмург Тьюить завершает дежурство и его место занимает круш-стажер Кьюуть, кликуха от меня – золотой петушок, он молод и самолюбив, красит перья в хвосте и состоит в неустанной переписке с кучей круш-девиц, причем правой головой любит одних, а ле-

вой их же обсуждает и осуждает. В целом неплохой парень, но до настоящего шефа ему расти, как мне до навигатора класса Гюль... Пока Кьюуть работает у нас ночным и сменным дежурным по габу, ведь Тьюить хоть и спит поочередно то правой головой, то левой, но не железный он и нуждается в полноценном обоеглавом отдыхе. Кьюуть, насколько я знаю его, не стал бы будить шефа зазря. У крушей иерархия круче, чем в самделешном курятнике.

Вывод: сигнал тревоги был настоящий. Отмена его, вдобавок столь быстрая – вот что выглядит настораживающее. Со всем плохо другое, нет ни единого оповещения от Рыга. Зато есть данные о задействовании чудовищного по силе, на моей памяти не примененного ни в одном габе, протокола. Собственно, официальная информация о его задействовании последняя в списке сообщений моего архива.

«Внимание сотрудников и гостей. Переходим в режим ограниченного жизнеобеспечения. Всем оставаться в своих отсеках и каютах. Задействован протокол ПИН».

После этого габ, конечно, смолк. Ни личных сообщений у меня в архиве, ни расписаний смен, обновляемых каждые полчаса, ни данных по происшествиям, требующим внимания атипичника, а такие часто приходится на ночь. Собственно, ПИН ввели, чего еще ждать-то? «Пассивизация, Инертирование, обНуление» – примерно так. ПИН – военный протокол, он по инструкции применяется лишь для исключения вооруженной агрессии. Все виды оружия задей-

ствуют энергию. При введении ПИНа всплески энергии, типичные для современного вооружения и все иные превышающие определенную мощность, фиксируются. По месту выявления аномалии запас энергии целиком обнуляется или переводится в неактивную форму. Если ПИН успел ввести кто-то из наших безопасников, он понимал масштаб угрозы. Возможен и более неприятный вариант: ПИН смогли задать нападающие, тогда оружие любого габ-служащих сейчас не более, чем игрушка.

– Дальше в лес идти некуда, – шепнула я. – Дрова, блин, завалом до небес...

Взгляд на часы – которые в голове, но привычка сильнее Симы, привычка требует циферблата на запястье и исправно находит там его иллюзию, благо, габ-система выросла в мозг глубоко и успешно. Протранжирено семь минут. Сколько еще будут бездействовать конвойные в коридоре? Между прочим, вооруженные. То есть или при них бутафория, или их оружие маркировано и пребывает вне протокола...

Если парни клоны-тупари, то проторчат симметричными колоннами у двери строго до получения новой команды. А когда обо мне вспомнят важняки? Пожалуй, полчаса есть в запасе. Ставим отметку начала работы имитатора, выверяем остаточную длительность алиби для Симы.

Никаких идей относительно того, что могло произойти в Уги. Нападать на габ – глупо! У нас нет ценностей. Такая

агрессия провоцирует одинаковое и активное возмущение всех пользователей габов – а это по сути население универсума в полном составе... Мы нейтралы. Как вообще... Стоп, не надо руки в боки и скандалить, не с кем. Попробую иначе: почему грохнули именно Уги?

Рядом научный сектор, может, там нечто надо стырить или спрятать?

Рядом кэф-сектор. Вдруг опять нашелся идиот, готовый лезть туда за сильномогучими тайнами древних? Собственно, поэтому и не кричу «спасите» представляя себе мысленно Кита. Не хочу заманить его в ловушку.

Через две доли цикла пыры будут отдавать сектор галактики. Сафары полетят через Уги подавать прошение. Или как раз сейчас они тут, пролетом? Ха, знаю я тэй корпус, эти могут во имя великой идеи немного... поимпровизировать. Если в Уги все живы и просто связь вырублена, чтобы некий посол оказался вне игры, тогда определенно верю: империя убирает конкурентов с церемонии подачи заявок. Блин, хочется реализовать старый анекдот и прямо теперь громко попросить Игля принести чай... Только из-за трюков знакомого сун тэя у меня бы не дрожали пальцы и не мокла спина.

Еще идеи?

– А пойди и проверь, все ли живы, – шепотом посоветовала я себе.

Установив имитатор Билли доверительным шепотом спросил: «Сэмми, куда ведет backdoor?». Я в ответ пролепечу:

тала обычное в беседах с американским милитаристом, которого я уважала все больше с каждым днем, а переносила все хуже – «чего-чего?»... Глазами похлопала. И была обстреляна двойной порцией примитивного английского мата, на мой вкус – офисного какого-то, бесконечно кружащего возле факса... «Когда я был всего лишь габлом, – презрительно цедил Билли, страдая от недопустимости плевок в пол, – у меня уже имелось два добротных черных хода. Два! Сэмми, хороший солдат обязан проработать пути отступления и запасные варианты передислокации». Мое нытье о штатских и не местных звучало жалко. Пришлось признать, что хоть нас и объединяет цвет, а только Билли – реальный морпех, а я просто габло зеленое...

Ползу на кухню и гусеницей втягиваюсь в кладовку, уже полгода, как закрытую фальшьпанелью и делающую вид, что ее вовсе нет. Кстати, тут и обыска не проводили, пылищи – жуть, сколько. Расстараюсь и совершу генеральную уборку, когда все наладится. А пока добываю наручный масккомплект имперского производства, снимаю энергоблок, перевожу в режим питания от костюма. Застегиваю и активирую. Гребу в рожковый магазин таблетки окислителя и лезу искать на ощупь сейф-невидимку, сооруженный габаритом Васей за полкило окислителя и безмерное число лстыивых уверений в его полной атипичности.

Тайный сейф понадобился мне после того, как Игль круто задолжал Билли и расплатился с ним по методу золотой рыб-

ки – исполнением желания. У Билли две мечты, я знаю обе: это калаш и «Харлей». Понятия не имею, зачем взрослому неглупому человеку потребовался мотоцикл здесь, в универсуме, где нет ни одной бензоколонки... Но Игль уже просил меня связаться с йорфами, Чаппой, Дэем, Китом и вообще всеми, кем угодно и выцыганить хоть у самого черта двухколесный агрегат с непонятным мне названием «Софтейл», желательно юбилейный 2003 года, цена вопроса не имеет значения. Интересно, что тогда потребует от Билли хитрый сунтэй? Первое-то желание он уже исполнил.

Имперский калаш получился, по заверениям восхищенного Билли, внешне очень похожим, но несколько компактнее оригинала. Он глобально переработанный и ничуть не сувенир, хотя именно в таком качестве числится официально. Но даже Рыгу известно: сувенир убойный. В сдвоенный рожок заряжается окислитель и засыпается всякая дрянь, внутри перевариваемая в пули, которые – это и на Земле знают – иногда приходится делать из дерьма. Увы, не только Рыг в курсе, я тоже, ведь прототип всучили именно мне.

Отпираться было бесполезно: Билли мечтал не просто об оружии, он жаждал «посмотреть, как русские из него стреляют». В универсуме кроме меня отдуваться некому. С пятой или шестой попытки я разобралась, что куда засыпать и где после нажимать, даже попала в мишень. Поскольку к тому моменту трезвых на стрельбах кроме Симы не оста-

лось, никто не избавил габла от ствола... Или что я бормотала, когда мне наливали для обмыва сбычи мечт?

Спасаясь от риска быть уволенной за хранение неопознанного стреляющего объекта, я уговорила Васю сваять тайник и установить фальшивую панель на кладовку. А он, зараза хитрая, усек, что таблетки окислителя в моей кладовке – неучтенка. Тырит их и бессовестно тюнингуется. Судя по отчетам, сам Тьюить уже в курсе!

Так, полный рожок таблеток. Второй канал забиваю мусором, жду переработки и еще забиваю, еще... Калаш тяжелеет, ощутимо. Вроде, готово. Еще окислителя в пакет и в карман. Теперь вскрываю люк черного хода в недрах кладовки и ползу, извиваясь и тихо матеря свой пофигизм. Этот ход ужаснее трипсового кишечника, а все потому, что я в наставления Билли не поверила и тут не бэкдор, а отмазка для зачета по милитаризму...

Уф, я в широком канале. Проверяюсь. Истрачено пятнадцать минут от запуска имитации. Это хреново, вот-вот бабахнет взведенный в «Стреле» протокол три-семь, установленный на малую задержку исполнения основной части. Тогда сразу станут искать и гнобить Симу, имитатор не поможет.

Ползу по межярусному каналу. Тут никогда не бывают живые, мне о канале рассказал Вася: решение сугубо сервисное, используют его габариты и иные автоматы. Вывожу себе в мозг план ходов. Вижу три шикарных канала к яру-

су управления, но все вертикальные и с заслонками, кодов вскрытия я не знаю, а Вася не сообщил: он блюдет полезные инструкции по поводу приватности и безопасности. Еще рядом есть открытый канал, он полого спускается к складским ярусам. Оттуда вроде бы можно попасть в главную грузовую колонну. Годится? Ползу, надеюсь... и утыкаюсь головой в преграду. Темновато тут. Долго шупаю и ругаюсь. Замолкаю лишь осознав, что именно мешает мне продвинуться дальше. Это габарит. В средней части его корпус разорван изнутри... Габарит полностью лишен энергии и по-своему, по машинному, мертв. Чуть поднатужившись, мой мозг признает: этим габаритом заткнули тоннель. Вероятно, не только этим. И не один тоннель.

– Сима, хреновая из тебя крыса, – сообщаю себе и начинаю по возможности резво пятиться.

Тошнит заранее от мысли, что мне надо ползти и проверять еще хотя бы один коридор и затем скорее всего возвращаться в кладовку каюты ужасным, изогнутым и тесным каналом. Еще две минуты – и я шишкой на башке подтвердила: второй коридор тоже закрыт тушей габарита. Бэкдор у меня тупиковый. Надо возвращаться. Нырять головой вниз в кривой лаз – страшно. Если бы был выбор, я бы ни за что... Все, втянулась. Всхлипываю и лезу. Чертово врожденное упрямство, уже и не знаю, что меня больше злит – его наличие или то, что однажды запасы могут иссякнуть.

Я опять в кладовке. Истрачено двадцать семь минут. Вы-

хода нет. Ни одного годного варианта прояснения ситуации нет. Понимания происходящего нет. Чего еще нет? Спирта. В бородастом анекдоте сказано, что именно когда он испаряется или замерзает, русские начинают верить в конец света. Хрен им, спирта в универсуме полно. Места знать надо, я – знаю.

О, стучат в дверь. Пока вежливо. Имитатор им что-то отвечает, вроде дельное.

Сима, думай. Они ведь могут постучать тебе в черепушку, тогда последние мысли поперепутаются. Ладно, вот они взломают дверь, увидят имитацию, сунутся к ней, затем обнаружат кладовку и тайный лаз... А я под маскировкой, у стеночки. Шансы просочиться в коридор?

Стучат грубо. Имитация Симы рыдает и сморкается в одеяло. Неужели это я наговаривала текст? Талант, однако. Сама себе верю, что истеричка и вот-вот сдохну. У стены встать или на подлокотник кресла? Или... Все, замираем и не дышим: ломают дверь.

Теперь я твердо знаю, эти парни – не люди. Они не ругаются! Тупо зырят, бормочут в коммуникаторы и синхронно шагают, умудряясь не толкаться плечами в узких проемах. Выбор в пользу подлокотника оказался удачным, парни обогнули кресло и заодно меня. Жду, пока они отчитаются начальству. Жду, пока сунутся на кухню. Пульс здорово взвинтило. Потею, это плохо. Путаюсь в ощущениях. Все мне ярко и громко, остро и близко...

Оба клона смотрят в сторону кладовки. Сползаю на пол и трусь по стене к двери. Очень хочется завизжать и побежать. Ну хотя бы только завизжать. Гос-споди, я трусиха из трусих, гуманизм весь с потом вышел, хочу пристрелить клонов, хочу всадить все дерьмовые пули в их складчатые затылки. Эти ребята живучее меня в разы. Такие же или очень похожие клоны однажды били меня. Я помню и мне тошно. Слишком хорошо помню, каждым старым переломом. Сейчас в починенные ребра изнутри лупит сердце – свихнулось оно, такое громкое, такое невыносимо громкое...

Так, снаружи имеется третий клон, он страшует. Сейчас смотрит вдоль коридора, это замечательно, любая маскировка неидеальна, если движешься и тем более перекрываешь проем двери. Шаг, еще шаг. Как Рыг учил, в ритме пульса, на пальцах, это ж не танец, а последняя нитка над пропастью. Упаду в свой страх – никто не вытащит. Некому. Со всем некому, я ползу вдоль стены и мне кажется, я последнее выжившее существо в универсуме. Гос-споди, я так рассчитывала на помощь Васьки, он автомат, но такой... душевный и надежно бронированный. А Васька мой где-то лежит в отключке, угробили Ваську.

Вдох – выдох, вдох – выдох. Отошла от каюты на пять метров. Как еще в ботинках не чавкает, меня отжимать можно. И ведь возмущалась: зачем костюм умеет утилизировать любые отходы жизнедеятельности, что я, в памперс одетая хожу? Поотключала сдуру половину систем, хотя мои поня-

тия гигиены Игль назвал пещерной дикостью. Кто из нас был трезв, когда мы обсудили критические дни и сун тэй с вос- торгом выучил сокращение ПМС? К черту Игля! К черту всех, кто до сих пор не просек нападение на габ и не помогает мне очнуться от кошмара. Не могу одна отвечать за всех. Не могу! Я не спущу курок, не вы стрелю в живых, даже в клонов. Я прямо теперь уволюсь и рвану домой. На Землю. Я...

Пятнадцать метров от родной каюты. Ниша в стене. Занимаю и дышу. И дрожу ногами. И думаю. Куда ползти-то? Сейчас они поймут, что каюта пуста. Будут проверять коридоры. Маскировка империи хороша, но не идеальна. Станут искать целенаправленно – засекут. Особенно рядом с каютой. Ага, парень у дверей получил указание и сунулся внутрь, что-то проверяет. Нет, я не побегу. Пока он меня не видит, а если рвану с места, паника скушает меня с потрохами. Лучше идти шаг за шагом, вдоль стены, и контролировать дыхание. До угла и далее в средний рукав. Оттуда к межэтажным платформам. Портаторы точно не работают – локальные. А возле платформ есть декоративные обрешетки, мой вес наверняка выдержат.

Грохнуло. Есть вибрация пола! Это моя «Стрела», не сбросив причальный рукав, рванула исполнять основной протокол три-семь. Пожалуй, рискну пробежаться, время прятаться иссякло, сейчас меня возьмутся ловить по полной. Как только «Стрела» уйдет в прыжок. Если успеет.

Автономные сирены пискнули и притихли, парализованные ПИН-протоколом. Это они намекали на критическое глоп-возмущение. Блин, его не хватало! «Стрела» может выйти из прыжка не через час, а послезавтра, если засбоит «глоп-нутое» время.

Так, платформы. Все обездвижено. В коридоре за спиной басистые клоны деловито лают приказы и ответы. Значит, начали обшаривать окрестности каюты. Небось, стены ощупывают. Или палят в потолок. Судя по шуму и вспышкам света – да, стреляют. Тип заряда, осмелюсь утверждать — трассирующий рой, я видела эту штуку на учениях мудреца Билли. Наилучшее средство выявления маскировки. Военное. Энергии жрет прорву, рой ведь обладает интеллектом до сорока единиц и каждый выпущенный остается активен полчаса и автономен в пределах десяти метров. ПИН допускает применение? Значит, не наши врубили протокол. Я хотела получить информацию, хоть какую. Почему же я не рада обоснованным выводам? Потому что мне и до того было страшно. Вот начну икать – тогда кранты.

Решетки держат вес. Хорошо. Еще бы света побольше. Но говнюки нашли новое противосимное средство: они гасят аварийное освещение. Спорю с Иглем на «Харлей», у клонов зрение лучше моего. Верный выигрыш, доживу – требую. Потом решу, зачем мне двухколесная недвижимость.

Восьмой ярус, кажется, уже рядом. Слишком темно, чтобы понять наверняка. Тело мое висит на неизвестной высо-

те. Сознание тоже вроде подвешено на крюке вопроса: а что делать, если я ничего не понимаю, не вижу и не могу?

Теплое течет по руке. Ору распахнутым ртом – молча. Это не самоконтроль помогает сберечь тишину, это шок меня душил. Тепло нельзя ощутить через костюм. Но есть особые случаи.

Тепла много, оно обтекает меня со всех сторон. Делает счастливой и спокойной, вроде замерзшего воробья в свежей коровьей лепехе... Допускаю снятие защитной пленки с лица. Сжимаю зубы и жду, пока накроет кожу. Особенно сложно терпеть при касании к глазам. Но – перемагаю. Я самая везучая в мире! Я бы никогда их не нашла, но они сами нашли меня. А ведь я понятия не имела, что они умеют собираться в сообщество и совместно искать. Боль в затылке, вспышка в основании черепа – будто в меня сунули заточку и теперь она торчит острием из лба.

– Их убили, – шепчет боль. – Их убили, мы тоже иссякли. Мы не могли преодолеть гибель, но ты из числа оберегаемых, мы ощутили тебя. Нам стало легче, мы нашли смысл для выживания. Это надо прекратить.

Безумное зрелище со стороны, наверное. Слабый человек висит над пропастью шахты пассажирских платформ служебного пользования. Руки свело, держаться нет сил, чужая боль вошла и мнет сознание изнутри... А потерявшие друзей морфы обтекают тело, крепят к решетке и греют – а заодно греются сами. Они не могут без нас, без тех, кого

выбирают. Они насильственно лишены друзей и не успели их защитить. Они невольно излучают боль, переполненные скорбью и виной. Хотя ни в чем не виноваты и вообще, ну они-то, бедолаги, тут при чем?

– *Умеете общаться словами*, – внятно думаю я. Чую согласие. – *Хорошо. Думайте подробно, как официальный отчет, что знаете о случившемся.*

Гос-споди, неужели хоть теперь есть шанс разобраться с кошмаре, творимом в Уги невесть кем? Было бы здорово. Пока продолжаю висеть вроде недозрелого шелкопряда. Зрение делается ярче с каждым мгновением. Морфы умеют видеть и понимать мир куда полнее, чем люди. Я обожаю морфов. Всех. Я так их обожаю, что никто и никогда меня не уволит на Землю, я уже не смогу без них. Это очень важно – быть нужной. Для меня важно. Я не приручала их. И все же... все же я за них в ответе.

Так. Пошел отчет. Отлично подготовленный, он пишется прямиком в официальную часть моего мозго-архива.

«В габе Уги на момент происшествия находилось три наших друга и трое нас. Каждый вливает свое понимание. Одному из нас это крайне сложно, он перенес невозвратную утрату. Второй вынужден был покинуть еще живого друга, поскольку не мог оказать помощи, оставаясь рядом. Третий добровольно оставил друга, его человек вне рассудка.

Габнор Трод прибыл в Уги с целью помощи и контроля, в ближних планах была перезагрузка габа, он был специали-

стом по отладке инфосистем безопасности. Он погиб мгновенно. Точное время в удобном для вас отсчете – десять часов и пятьдесят шесть минут вечера».

Далее, хотя морф едва мог себя заставить, он честно прокручивал память – получалось вроде фильма. Документального. Я тоже едва справлялась с неизбежностью просмотра.

Трод был гуманоидом, прошедшим две или три серьезных процедуры с целью повышения живучести. Индекс сорок семь – это для нас, людей, невероятно много, у меня всего двенадцать... Трод стоял на причале и недоуменно наблюдал, как завершает швартовку корабль габ-службы. Точно такой, как его собственный. Та же цель визита в полетном задании. Тот же ранг пилота – габнор. Сбой системы назначения заданий? Почему автоматика сдублировала запрос и вызвала в Уги двух служащих высокого ранга и редкого в профиля специализации? Собственно, с целью уточнения проблемы он и вышел встречать, поставив в известность габмурга. Важно разъяснить коллеге возникшую проблему, установить вместе, кому удобнее провести работу в Уги и, наверное, прямо теперь выполнить ретро-анализ сбойного сигнала – как и где сгенерирован, в какой момент задублирован и почему...

Люк корабля открылся. Трод вежливо кивнул. В первый миг он заметил лишь форму габ-службы, затем всмотрелся в лицо. Свое собственное... Трод, надо отдать ему должное, не медлил ни мгновения, сразу запросил канал связи с га-

бралом Рыгом и метнул, не дожидаясь отклика, оповещение высоком уровне опасности. Морф Трода зарычал и попытался закрыть друга, опознавая существо в сплошном костюме-имитаторе. Он принял первый удар, но то, что нахлынуло, оказалось слишком сильным и внезапным.

Морф ощущал угасание друга. Мертвел сам, костенел в отчаянии. Более он не мог сообщить внятных подробностей. Он стек с тела друга и остался бесформенной оболочкой, лишенной смысла жизни. Зато именно этот морф смог себя преодолеть и очнуться, когда причалила моя «Стрела». Он встрепенулся – сознания всех, с кем дружат морфы, имеют особый, внятный оттенок тепла... и морф заставил себя снова быть и действовать, чтобы не угасла еще одна бесценная для подобных ему жизнь. Моя.

– Спасибо, – сморгнув слезинку, шепнула я.

На плече дрогнуло – отозвалось...

«Мой друг губр, мы редко находим достаточную общность со столь древними и непривычными нам формами сознания. Это давняя и непростая дружба. Она еще трепещет и не порвана необратимой смертью. Губр в шоке, состояние постепенно угасает и переходит в понятное вам, как кома.

В одиннадцать часов прошел сигнал об угрозе высокой степени опасности. Губр Оооуууо в тот момент завершил заполнение официальных форм после портации допустимой дальности – он прибыл из научного сектора. Оооуууо пере-

мещался к пирсу для особых гостей и готовился отбыть в направлении бывшего «Гнилого мешка». Получив и интерпретировав сигнал, он связался с габ-службой и по мере сил – а ведь это существо с совершенно иным типом сознания – постарался уточнить, может ли быть полезен. Губры всегда предлагают помощь при неисправностях. В понятных вам аналогиях их поведение – это поведение дельфинов, которые выталкивают задыхающегося на поверхность. Не важно, дельфин ли он.

Оооуууу истратил семь минут на осознание ответа габ-служб и принял его только после обсуждения со мной, своим морфом и, как он полагает, переводчиком. Ответ был отрицательным и содержал рекомендацию немедленно, экстренно покинуть габ. Оооуууу покатился к причалу. Ускорить процесс я не мог. Герметичность оболочки среды обитания была нарушена в одиннадцать часов десять минут. Некто изолировал пирс и использовал комплексный удар военных систем высокой поражающей способности. Затем был активирован глот-гель. Оооуууу оказался шокирован и замурован, он дезориентировался и утратил понимание верных параметров среды. Оооуууу без сознания, последнее его ощущение – вибрация сложной модуляции. Попытка ей противостоять приведет к вхождению во все более полный резонанс, это обрекает его на самоуничтожение. Помешать не могу. Покинул друга, получив сигнал обнаружения вас. Рассчитываю оказать помощь дистанционно».

Третий отчет оказался ничтожно коротким. Морф отдыхал, его друг спал и во сне оказался парализован неизвестным средством. Он вне опасности, но придёт в себя не ранее, чем через условные сутки.

– *Наши действия?* – шепнуло общее сознание трех морфов. Именно общее. Я слегка шалела от их умения быть целым и от целостности приращивать опыт, интеллект.

– Попасть в центр управления, – шепнула я и помолчала, ожидая возражений или уточнений. – Надо сначала туда... наверное. Много данных и возможностей управлять. Губра попробуем выколупать из желе... если экстренные системы работают.

Морфы молчали. Я висела и моргала. Невероятно быть тут – и одновременно еще невесть где невесть чем. Во все стороны расползались частицы морф-сущностей, сборщики информации. Они прыгали, скользили, падали, невесомо парили... Нащупывали и опробовали безопасный путь. Дальше и дальше. Шире и шире. Они заново отстраивали для меня объемный план габа. Наткнулись на первого живого, второго, третьего... Смогли постепенно распознать их, как ведущих бой. В коридоре уровня контроля! Вот тут я вмиг вылупилась из кокона теплого покоя.

Я включилась. Помчалась по темному габу, ощущая сердце где-то возле зубов и тщательно сжимая челюсти, чтоб оно не выпрыгнуло. Было тише, чем на ночном кладбище. И страшнее. Сколько помню, вся гниль – от живых уродов,

которые норвят заразить своим бешенством всех вокруг.

Мне долго казалось, что в беззвучии грохочет именно собственное испуганное сердце. Я не лезу в герои, беда в том, что и отсидеться не умею. У меня дефект такой, глаза не закрываются на то, на что надо бы по общему мнению. Я, может, немного дельфин и нашла бы общий язык с губрами. Я тоже всех – к поверхности. А дальше пусть барахтаются, как смогут.

Морфы притормозили меня у поворота коридора – прямо влипли в пол и стену, тело размазало по в один удар поверхности, сознание протрезвило от лихости. Я ведь бегу, чтобы не начать думать. Вредно это, а ну как испугаюсь?

Грохочет по полной, и не сердце – оружие! Зажмуриваюсь и жду, пока морфовые пылинки нарисуют картину бедствия. Завал. Взломана силовая переборка. Чем – не гадаю, это будет долго. Нашупались обездвиженные габариты. Одинаковые гуманоиды – они ближе ко мне. Все рты закрыты. Все пульсы схожие, очень ровные, а коммуникаторы в режиме активного обмена данными. Нет, это не мои сослуживцы.

Отстегиваю из крепления сувенирный калаш. Чувствую на спине электрическую щекотку. Пахнет паленым. В глазах рябь. Без паники, вдох-выдох. Строго себе говорю: притворись спокойной и сделай то, чего Билли ждет от всех без исключения русских с калашами. Хотя бы постарайся.

Шагаю за поворот и соображаю, остро потая: у сувенира есть предохранитель. Отщелкиваю. Чую вокруг трасси-

рующий рой – он вообще-то смертельно опасен, и сейчас он причиняет боль морфам, но и сам стремительно редееет. Нахожу подсвеченный морфовой пылью затылок со складкой. Две пули. Старательно контролирую нажатие курка. Выбираю прицелом второй затылок. Третий уже не затылок, а лоб, ну и реакция у клонов... Мимо меня жахнуло чем-то гремучим. Морфов обожгло, всех нас отшвырнуло метров на пять – и все же я цела. Прикрыли меня... Вдох-выдох. Калаш пукает тихо, он же почти пневматика. Я обозвала его автоматом с газировкой. А Билли сказал...

Тошно. Вижу, как разнесло третьего клона. Думаю что угодно, лишь бы не вырубиться. Нет сил понимать, кто из нас умеет не промахиваться – я или морфы, бесконечно мирные симбиоты, доведенные гибелью друга до отчаяния бродячих собак универсума...

Очень тихо. Отдираю спину от стены. Встаю и бреду, хотя коленки вроде студня. То есть морфы меня – идут... тащат? Греют.

– Кто? – хрипят из-за завалов.

– Я, – сообщаю и никак не могу сообразить, что не так в сказанном. Это же точно я. Но вроде звучит странно. – Я.

Комок во все легкие размером мешает выталкивать более длинные слова и удушает мысли. Мозг отрублен. Все равно иду. Так надо, и так помогают делать морфы. Вижу клонов, не хочу, но внимательно смотрю и оцениваю живучесть. Черепа разворочаны, но раны норовят затянуться. Гос-спо-

ди, у них же мозга почти нет. И кто сказал, что им важен для краткосрочного выживания мозг? Рука моя целится – ею, кажется, водит тот самый морф, чей друг не выжил. Сувенирный калаш всаживает три пули в позвоночник. Строго по точкам, установленным морфами в качестве целей. Второй клон так же обрабатывается. На третьего пули не тратим. Можно сесть у стены и начать вдумчиво выбирать мусор для производства новых пуль. Руки дрожат. Черт, ну когда я отдышусь и стану опытной милитаристской... завидую Билли. Он бы справился и всех тут спас. А я вот... сижу и дышу.

– Кто? – упрямо тупят за завалом.

– Еще пароль спроси, – внятно злюсь.

Икаю и добавляю то, что смысла не имеет. Но на родном русском прекрасно выговаривается. Мне делается легче. Слова вскрыли нарыв ужаса внутри, ком исторгся из легких, кашляю, но продолжаю выплевывать слова.

– Сима?

Теперь вижу короткие рога, лохматое темечко – и наконец желто-карие глаза. Мурвр. Не сам Рыг, но парень из его любимчиков, имя не помню, а звание у него – габрехт. Истериčno, широко улыбаюсь. Мурвр – это замечательно. Он разбирается в боевых действиях. Быстро осмотрелся, прыгнул, сел рядом и контактно извлек себе в архив отчеты, мазнув когтистой лапой по щеке. Замер. Переваривает.

– «Стрела» прыгнула, вот что дало ту вибрацию. Верное решение. Нет, глотнуть ее не глотнет, активность так себе,

не критический уровень до сих пор. Значит, эти свернут все и самое позднее через десять минут уйдут.

Дышу. Что за фигня со мной? Путаю запахи. Вижу урывками и выть хочу до одури... Ну и что, если они клоны. Убила я их, как людей.

– По-ч... почему уйдут? – выговорила. Это я молодец.

– Думаешь, зря у нас габариус – дрюккель? – бормочет мурвр, нагибается и бесцеремонно режет у ближнего клона кожу ниже локтя. Рывком тянет с руки, как печатку. – Чаппе хватит одного щелчка жвал, чтобы по сигналу тревоги оценить угрозу и портировать сюда солдат продвинутого военного рюкла.

Меня еще не рвало, когда он сдирал кожу. Но когда себе на руку натянул – вывернуло. Из-за завала полез второй мурвр. От костюма одни лохмотья, шкура в прорехах серо-зеленая, такой она становится при чрезмерной кровопотере. Сейчас возьмется добывать оружие, свежую труп. Отворачиваюсь и дышу носом. Не кричу. Опираюсь на стенку и жду. Они не дикари, я понимаю умом, что оружие клонов биопараметрическое. Обходить коды долго. А так оно наверняка еще поработает малость... пока сверхживучая кожа не отмерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.